

Павел Козлов

ТЕНЬ, ДРАКОН И
ЩЕПОТКА ЧЕРНОЙ МАГИИ

0+

Павел Козлов

**Тень, дракон и
щепотка черной магии**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Козлов П. Г.

Тень, дракон и шепотка черной магии / П. Г. Козлов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В этом мире все идет наперекосяк: дракончики разучились летать, понастроили городов и подчинили себе бюрократическую машину, а зловещая Тень совершенно безнаказанно украла целое солнце. Дракончик-поэт по имени Зигфрид намеревается исправить эту несправедливость. Он отправляется в большое путешествие в надежде достучаться до мудрости его дракошества короля в столице империи - славном городе Хныкельбурге. Зигфрид еще не знает, что ему предстоит повстречаться с беглым адептом черной магии, ввязаться в дворцовые интриги, получить урок в стихосложении и найти не совсем то, что он искал.

Содержание

Аврора пишет	5
Зигфрид	6
Тень	8
Дебаты	11
Тьма	21
Завтра	25
В путь!	39
Лес	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Аврора пишет

Иногда, когда ночь ниспадает на Зачарованный лес, Луна светит молодо и ярко, а ветер не волнует ни веточки, Аврора улыбается. Где-то вдалеке, через полмира и еще дальше, сестра кивает ей и продолжает искать.

Аврора вздыхает и берет в руки тетрадь. Ее звезда светит слабо, но Аврору не беспокоит полумрак: она пишет. Перо бежит по страницам, оставляя стихи и едва заметные кляксы, а потом спотыкается о неудачную рифму, безутешно падает и замирает.

Аврора мечтает о доме. Когда сон наконец настигает ее, сполохи на востоке уже обещают новое утро. Она видит драконов.

***

Но подождите! Вы когда-нибудь слышали про драконов? Больших, огнедышащих, страшных... Смертоносных словно сама смерть, хитрее хитрого, мудрее мудрого; безжалостных, сильных и несокрушимых? Слышали?

Так вот, забудьте все, что вы о них знаете. Поговорим о дракончиках. Вы не ослышались, именно так – о дракончиках. Назвать в непринужденной беседе настоящего дракончика «драконом» – дело неслыханной чопорности, на грани оскорбления. Иное дело – серьезный разговор: тогда это допустимо.

Подсознательно дракончики очень довольны тем фактом, что именно они, а не кто-то другой, оказались под своей звездой, хотя никто из них не слышал про Аврору. Они, если вам угодно, живут в полной гармонии с собой и своим миром. Роста они весьма значительного, но не такого исполинского, как те драконы, о которых вы слышали, а поменьше: если дракончик встанет под очень высоким деревом, то он, вытянувшись во весь рост, сможет достать до веточки. Не той, что растет с самого низа, а веточки подлиннее и позаманчивей. Вот такого они роста.

Передвигаются они на двух мощных задних лапах, а передними лапами, тонкими и проворными, орудуя прямо как мы своими руками – ловко и непринужденно.

У дракончиков есть небольшие крылья, но, в отличие от несуществующих огнедышащих монстров, о которых вы наверняка читали, летать они не умеют. Ну, разве что, совсем чуть-чуть, капельку – ровно настолько, чтобы на волосок оторваться от земли и снова на нее плюхнуться.

Из одежды дракончики предпочитают пальто, плащи, а также камзолы, дуплеты и головные уборы всех мастей и фасонов.

У дракончиков есть хвост – очень красивый, удобный хвост, который приходится весьма кстати в самых неожиданных ситуациях.

И никто, ни один дракончик, никогда не слышал про Аврору.

Зигфрид

Жил да был дракончик.

Он был слегка непохож на своих собратьев, ибо морду имел не слишком уж продолговатую, а ближе к носу – округлую, крылышки особо невнушительных размеров, а хвост – короткий и мясистый. У него были немного грустные большие глаза-блюдца, которыми он любил смотреть на мир, видя вокруг все красивое, странное и немного грустное. Таким он был необычным дракончиком – таким же необычным, как и мир, в котором он жил, и звезда, которая ему светила, и необычная луна, которой он любовался долгими осенними ночами.

Дракончика звали Зигфрид.

Зигфрид был романтиком.

Иными словами, он очень любил мечтать о том, чему не суждено было сбыться. Именно поэтому все остальные дракончики порой не понимали его – действительно, не к лицу здравомыслящему господину воображать себе лишнее; и именно поэтому иногда Зигфрид чувствовал себя одиноким.

Он жил один, в уютной хижине на окраине большого города Плаксингтона – все остальные дракончики предпочитали дома из камня и кирпича, а в идеале – пещерки (увы, в центре города пещерок не сыскать), но наш герой довольствовался скромной обителью со стенами из дерева и крышей из соломы. Когда шел дождик, крыша протекала, и Зигфрид подставлял под капельки небольшие ведерки и ковшики. Как только из-за туч вновь выглядывало солнце, дракончик тут же собственноручно чинил прохудившиеся участки соломенного настила, однако с очередными осадками крыша вновь начинала протекать в самых неожиданных местах. Зигфрид не жаловался на такую несправедливость и говорил, что в этом есть своя романтика – никогда не знаешь, куда на сей раз придется поставить ковш.

Да, у Зигфрида были соседи, но их общение никак не назовешь регулярным. Да и дома их казались куда более прочными, а на окраину их завела наследная неприятность, но никак не их собственное желание.

Дракончики страсть как любили всевозможные вещички. Наибольшую радость у них вызывали вещи полезные и красивые, но бывало и так, что спросом пользовались забавные безделушки, и даже непонятные диковинки. Завладев примечательной вещью, дракончик всячески пытался это продемонстрировать и вместе с тем, в интересах сохранности имущества, держал любопытных и завистников на расстоянии.

Романтик Зигфрид тоже любил вещи, но по-своему. Он любил книжки, потому что они приятно шуршали и дивно пахли пожелтевшей бумажной мудростью, а их страницы таили в себе приключения и загадки. Он любил свой блокнот и свою чернильницу, потому что без них он не смог бы записывать свои стихи. А еще он любил свой дневник, потому что он хранил в себе приятные воспоминания.

Общественное мнение нашло вкусы дракончика Зигфрида нелепыми и махнуло на них порицающей лапой – пусть любит, что хочет.

***

В центре города Плаксингтона был рынок – огромная крытая площадь, на которую стекались купцы со всей страны с тем, чтобы выменять свой товар или продать его за пару звонких монет. Над парадным входом сего заведения городские власти после долгих раздумий и вседраконьего конкурса разместили яркую вывеску с названием рынка – табличка с витыми бронзовыми буквами гордо реяла над парадной аркой и провозглашала: «Всякая всячина». Действительно, лучшего наименования и не сочинить – просто и доходчиво! За свой неоспо-

римый успех автор «Всякой всячины», дракончик Рудольф из Подгорья, был награжден тремя банками абрикосового джема и пожизненным запасом горошка, что, согласитесь, вовсе даже не плохо.

Как вы уже догадались, на рынке можно было и впрямь найти всякую всячину – еду, подарки, музыкальные инструменты и даже лопаты. Были и довольно-таки экзотичные предложения: на западной стороне рынка свои услуги по организации путешествий предлагал дракончик Альфонсо и его шатер с заманчивой вывеской «И там и сям», а в восточной части конкуренцию ему составлял предприимчивый Марсело и его сарайчик «Туда-сюда», в котором ставка делалась на очевидное желание путешественника по окончании своих скитаний все-таки возвратиться домой, в то время как Альфонсо настаивал на важности для клиентов духа приключения и эффекта неожиданности. Неподалеку притаились книжная лавка «О том, о сем» и газетный киоск «Важности и главности» – дракончики-домоседы жаловали эти заведения куда больше.

Никакой дракончик не мог обойтись без услуг гильдии мастеров под предводительством верховного инженера Барри, которую всегда можно было найти под криво сколоченной, но достаточно броской деревянной табличкой с девизом «Починяем поломатое». Эта надпись не была безупречной с грамматической точки зрения, но весьма доступно указывала на род деятельности работающих под ее эгидой господ, а также в некотором роде даже намекала на качество их труда. Поэтому все дракончики в случае – не приведи драконий бог! – поломки без раздумий тащили починятелю Барри все важные и даже, скажем честно, необходимые для жизни вещи – и могли быть уверены, что в неопределенно короткие сроки бригада мастеров восстановит держатели огурцов с пружинным механизмом, дынепробиватели всевозможных диаметров, яблокособиратели и помидоросрыватьели с различными ручками и корзиночками, а также стручкохранители, початкокидатели и свекломойки.

Вот в такой среде довелось обитать Зигфриду.

Тень

В один прекрасный день на город спустилась Тень – и день сразу перестал быть прекрасным. Тень пришла из ниоткуда. Многие потом думали, что она явилась со склонов самых высоких гор – настолько высоких, что даже самые смелые дракончики туда не заходят, и то, что таится там – неведомо. Другие говорили, что Тень пришла из-под земли, так как именно под землю темнее всего. Кто-то предполагал, что Тень вышла из моря, ведь никто не заплывал глубоко-глубоко, на самое дно моря, и все соглашались с тем, что на запретной глубине сокрыта загадка. Как бы там ни было, Тень пришла. Она повисела над домами и над рынком, а потом пронеслась темным вихрем над головами изумленных дракончиков, пугая их и завораживая. Она описала над городом несколько кругов, подумала, растянулась, накрыв собою даже самые отдаленные лачуги, а потом стремительно сомкнулась и канула вниз.

Тень сделалась стройной и высокой, ростом с очень высокого дракончика, и предстала суровой и непроглядной. На ее тонкой шее покоилась темная голова, а на лице, там, где должны были быть глаза, сияли два узких голубоватых огонька. Когда Тень говорила, а говорила она редко, ее слова звучали из пустоты и приходили из ниоткуда и отовсюду сразу. Никто потом не мог припомнить, каков ее голос, но все сходились в том, что от него мурашки бежали по спине, и хотелось поскорее закрыть глаза и уши, чтобы не видеть зловещий лик Тени и не слышать ее речей.

Когда она перемещалась, она будто плыла по воздуху, а полы ее платья мерно колыхались волной густого бархатного тумана.

Первым делом Тень отправилась на рынок. Все продавцы затаив дыхание смотрели, как она скользит мимо, и впервые в жизни молили драконьего бога, чтобы их лавки показались неприметными и скучными. Иногда Тень все же останавливалась и обращалась к одному из торговцев, получая в ответ тишину изумленного взгляда. Тогда голубые уголки на лице тени прищуривались, и она молча продолжала свой обход, и покупатели в почтительном страхе расступались перед ней. От страха никто так и не вспомнил, какие вопросы задавала Тень.

Осмотрев рынок, Тень отправилась в город. Несколько дней она исследовала его улицы, и вскоре жители привыкли к ней, и среди дракончиков поселилось уныние. Они боялись выйти из дома, зная, что за порогом рискуют столкнуться с Нею. Торговля приостановилась, улицы опустели. Дракончики, которым все же приходилось на время покидать свои жилища, передвигались быстрым шагом и старались не попадаться у Тени на пути, а случись им ненароком встретиться с непрошенной гостьей, бросались наутек и бежали что было мочи до самой двери родного домика.

За все время своего безраздельного владычества Тень нанесла лишь два визита.

На пятый день после ее пришествия градоначальник Патриций услышал, как зазвенел колокольчик на его крыльце и поспешил собственноручно открыть дверь, думая, что какой-нибудь умный дракончик готов сообщить ему о способе изгнания коварной захватчицы.

Однако на пороге стояла Тень. Некоторое время она молчала, и нижняя губа градоправителя начала нервно подергиваться. Когда Патриций подумал, что не сможет более выносить такую пытку, и готов был уже расплакаться, Тень молвила:

– Готов ли ты, о тот, кому королевским указом вверено оберегать и охранять эти места, поступиться всем, что имеешь, дабы сохранить свет и тепло в жизнях своих подданных? Готов ли ты пожертвовать свое имение, свою колесницу, библиотеку и грядки обильные, если выбор такой пред тобою встанет? Отвечай!

Патриций безмолвствовал.

– Готов ли ты, в таком случае, – продолжала тень, – принести в жертву одну единственную вещь, которая, тем не менее, наиболее тебе дорога, о Патриций?

Дар речи вернулся к градоначальнику.

– О-о-откуда вам известно мое имя? – заикаясь, промямлил он.

– Отдашь ли ты мне свой именной серебряный портсигар? – воскликнула Тень.

– Что? – вскричал бедный Патриций. Откуда, откуда она узнала, что самой драгоценной вещицей градоначальника был портсигар, подаренный ему во времена стародавние близким товарищем, ныне состоящим на королевской службе?

Испуг взял верх над Патрицием – его телом овладела дрожь, а мысли утонули в панике, и он захлопнул дверь.

Второй визит Тени оказался не менее загадочным, чем само ее появление – она отправилась в деревянный домик на окраине. Зигфрид несказанно удивился, услышав стук в дверь, ведь даже в мирное время к нему мало кто заходил. Подозревая, что гостя привела беда, он с тяжелым сердцем отложил перо и спрыгнул со своего любимого высокого стула. На столе осталось незавершенное стихотворение, а на листочке в правом нижнем углу образовалась весьма неаккуратная и симпатичная клякса.

Увидев Тень, Зигфрид даже немного обрадовался, потому что его первоначальные подозрения оказались развеяны весьма счастливым образом. Не дожидаясь приглашения, Тень проплыла мимо Зигфрида прямо в центр единственной комнаты его домика и остановилась там, на зеленом кружке посередине ковра, устремив на дракончика свой немигающий голубой взгляд.

– Чем я обязан вашему визиту, госпожа Тень? – спросил Зигфрид и, боясь показаться негостеприимным, добавил:

– Не хотели бы вы, хм, чаю?..

Зигфриду очень не хотелось устраивать чаепитие с Тенью, и он во глубине души надеялся услышать отказ. К счастью, Тень проигнорировала его любезное предложение и молвила:

– Скажи мне, дракончик Зигфрид, любишь ли ты свой дом?

Зигфрид опешил. Никто никогда не задавал ему таких вопросов, а сам он к стыду своему никогда над ними не задумывался.

– Конечно, – нерешительно сказал Зигфрид. – Конечно, я очень люблю свою хижину...

– А город? – спросила Тень, – город ты свой любишь?

Тут Зигфрид и вовсе призадумался.

– Безусловно, – пробормотал дракончик, – вне всяких сомнений...

– Скажи мне, – продолжила Тень, – а в чем же ты находишь радость, изо дня в день, год за годом, живя здесь, за стеной непонимания?

Зигфрид, неожиданно для себя самого, рассердился.

Да что эта Тень себе позволяет? Явилась без приглашения, не соглашается остаться на чаепитие, задает неудобные вопросы, заставляет бедного дракончика сомневаться в таких вещах, о которых и задумываться-то как-то неловко!

– Знаете ли, госпожа Тень, – почти дерзко ответил Зигфрид, – я очень и очень счастлив! Каждое утро я просыпаюсь в личной постели, в своем личном домике, и чувствую себя потрясающе свободным! А ведь у многих дракончиков нет и этого – они вынуждены ютиться в пещерах и душных комнатах, заваленных золотом, домашней утварью и прочими вещами, а мне комфортно и уютно здесь! Я смотрю на небо, гуляю по лесам и спускаюсь в долины, и я пишу стихи, хотя мои друзья не умеют писать стихов, и мне, честно признаться, их жаль!..

Тут Зигфрид прервал свою речь, сообразив, что, скорее всего, не стоило говорить так много столь странной и незнакомой даме, но сказанного было уже не воротить. Тень тотчас успокоила его, заметив:

– Все это доподлинно известно! Но одно непонятно мне в твоих рассуждениях, Зигфрид. Скажи-ка, кто они, эти таинственные друзья? – спросила Тень, чем вовсе сбила незадачливого дракончика с толку. Он в нерешительности зачесал затылок:

– Та-ак, дайте-ка подумать... Эдвард – это раз. Мы с ним много гуляем, когда погода стоит теплая – раза три уже гуляли. Он очень внимательно меня слушал, и комментировал то, что я говорил, и я его внимательно слушал, но мне совсем не по душе пришлись некоторые его мысли, однако он читал мои стихи, и... – здесь Зигфрид запнулся, – Эдвард – это раз.

Зигфрид, поборов сомнения, загнул один палец.

– Потом, синьор Земляника. Мы так зовем его, потому что он выращивает землянику и продает ее на рынке. Самую лучшую землянику в городе. Видите ли, госпожа Тень, земляника – ягода дикая, но синьор Земляника приручил ее, и она растет в небывалых количествах прямо в его саду на склоне маленького холмика. Он всегда очень любезен со мной и два раза даже поболтал со мной, когда я покупал у него ягоды. Это два! Дальше – фермер Помидорка, сосед Карло...

– У тебя нет друзей, Зигфрид! – тихо возразила Тень. И скрылась.

А Зигфрид, растерянный и удрученный, остался стоять один на краешке вязаного круглого коврика, что так гармонично украшал единственную комнату его хижины.

Дебаты

Оставив скромную обитель Зигфрида, Тень не стала сидеть сложа руки. Она, словно хищная птица, принялась летать над городом, то и дело пикируя вниз и проносясь над головами изумленных жителей, восклицая при этом:

– Завтра! Полдень! Площадь!

И скоро все дракончики знали, что на следующий день ровно в двенадцать часов им надлежит прийти на площадь перед рынком и выслушать зловещие речи Тени. Некоторые сомневались: стоит ли идти, не ждет ли там дракончиков коварная ловушка, не будет ли лучше пересидеть страшное собрание дома? Но все сомнения были отброшены перед финальным испытанием. Устав от жизни в страхе и тревожном ожидании, дракончики хотели встретиться с захватчицей лицом к лицу и выслушать ее условия. Город чувствовал, что время ответов уже близко, оно вот-вот настанет, и даже страх перед неизведанным не мог остановить дракончиков от похода на площадь, к ратуше. Ах! Где же вожделенное пробуждение посреди кошмарного сна? Где тот счастливый миг, когда вы открываете глаза и обнаруживаете, что вы лежите в своей кровати, у себя дома, и все, что вам привиделось – лишь глупая фантазия воспаленного ума? Где он? – спросите вы. Где он? – спросили дракончики. И поняли, что миг это близок.

Пусть грядущее испытание послужит завершением мрачной и непонятной эпохи. Будь что будет! Завтра, ровно в полдень, они придут на площадь и все вместе, взявшись за лапы и зажав глаза, переживут последний томительный час.

К вечеру это решение созрело в голове у каждого жителя, и утром судьбоносного дня все как будто сговорившись встали немного попозже, чем обычно, чтобы полдень поскорее наступил.

Часы на ратуше пробили одиннадцать, и самые нетерпеливые стали осторожно подтягиваться к месту встречи. К полудню площадь перед рынком была заполнена чуть более, чем полностью: без пяти двенадцать яблоку было негде упасть – столь много дракончиков собралось на решающее противостояние с Тенью.

Зигфрид незаметно присоединился к толпе, когда до судьбоносного мгновения оставалась одна-единственная минута, и принялся ждать вместе со всеми.

Раздался бой часов. Один удар, второй... двенадцать раз пробили часы на ратуше. Драконы затаили дыхание.

Тени не было. Тень не приходила.

Прошло пять минут. Ожидание становилось томным, и вскоре раздался ропот. Время тянулось столь медленно, что дракончики понемногу стали храбриться, а некоторые из них и вовсе – возмущаться. Да что она возомнила о себе, эта Тень! Мало того, что она самым постыдным образом погрузила весь драконий город (не самый маленький, нужно заметить, городишко!) в страх и тревогу, мало того, что она нахально выманила дракончиков на площадь в самый разгар дня, вынудив их отложить домашние дела первостепенной важности – как будто всего этого было мало, она вдобавок ко всему умудрилась опоздать! Подумать только – такая непунктуальность, в ее-то преступном положении. Некоторые дракончики, испытав внезапный прилив смелости, вызванный продолжительным отсутствием злодейки, и вовсе принялись шутить. Поначалу, правда, тихонько, себе под нос. Затем, дабы не показаться дурачками перед соседями по толпе, они были вынуждены повторить свои шутки погромче, и вскоре вся толпа в дружном ожидании принялась строить презабавные гипотезы о том, что могло приключиться с запоздалой Тенью. Ветром унесло! Запуталась в тени репейника! Провалилась в колодец! Ба! Да вот же она, на кончике тени хвоста дородного дракончика Пончика. Здесь и там раздавались все более и более настойчивые смешки, а где-то и вовсе прозвучал громогласный хохот – это дракончик Неспешинка, вставший тем утром позже других, понял наконец

соль самой первой шутки. Дракончикам сделалось благостно, на душе у многих стало легко и весело – недавний испуг испарился из памяти, словно утренняя дымка, задержавшаяся дольше отпущенного ей срока, словно снежок, ненароком пронесенный на коврик прихожей, словно лужица на мостовой. Всем стало очевидно, что Великая обманщица струсила перед дружной драконьей толпой и не рискнула явиться на суд угнетенных страдальцев. Страдальцы были в восторге. Градоначальник, наблюдавший за сценой из укромного местечка, был по необъяснимой причине исключительно доволен собой.

Один лишь Зигфрид с грустью взирал на все это безобразие. Еще вчера вы боялись ступить за порог, думал дракончик, а сегодня уже мните себя победителями коварной завоевательницы. Что-то здесь не так, что-то здесь не сходится, не вяжется! Неужели так легко дастся нам эта виктория?

Внезапно небо потемнело – огромное черное облако заслонило собою солнце. Площадь погрузилась во тьму. Пришла Тень.

Веселие разом стихло.

Продержавшись несколько мгновений над головами онемевших от ужаса драконов, Тень медленно сползла вниз, сузилась и, приняв привычную стройную форму и выпустив на волю дневной свет, обвела собравшихся дракончиков непроницаемым взглядом. Она стояла у ратуши, под часами, на дальней стороне площади. Стоило ей сделать шаг, как толпа расступилась перед ней в испуганном почтении.

Второй шаг, еще один – и вот она уже стоит в самом сердце бескрайнего драконьего моря, а вокруг нее – лишь смущенные дракончики, уставившиеся в пол. Тишина!.. Ни звука. Горожане испуганы. Тень нарушает молчание. Ее голос звучит тихо и торжественно:

– Услышьте меня!

Дракончикам не по себе – им жуть как охота оказаться поскорее в своих теплых домиках, и в своих уютных мастерских, и за своими богатыми прилавками; а кому-то, несмотря на жаркую погоду, даже хочется затопить камин, потому что там, где камин, не может быть так страшно.

– Услышьте меня! – говорит Тень уже громче, и все взоры вопреки воле их обладателей устремляются к ней. – Я видела ваш город, – продолжает она, – я видела ваши деяния. Я видела ваши дома, ваши семьи. Я увидела ваши мысли. Я видела, как вы продаете и покупаете, как вы ломаете и чините, копите и тратите. Я видела достаточно.

Произнеся эту загадочную фразу, Тень обвела всех собравшихся немигающим голубым взором, и дракончики поежились.

– Вашим городом, – сказала Тень (очень тихо, но так, что ее услышали все до единого), – правят вещи!

Воцарилась гробовая тишина.

– Как так, – шепотом вознегодовал из своего укромного местечка пришедший в себя градоначальник, – этим городом правлю я!

Тень взымала в воздух и расправила крылья. Ее голос зазвучал по-новому – раскатисто, властно. Многие дракончики пали ниц и задрожали, другие закрыли лапами глаза и тихонько заплакали; градоначальник забился в самый укромный уголок своего укромного местечка и спрятал морду под подушку. Один лишь Зигфрид смотрел на небо, словно замороженный, не в силах отвести взора от величественной фигуры.

– Завтра, – мягко молвила Тень, – каждый из вас преподнесет мне дар. Завтра в полдень каждый из вас вернется сюда, на эту площадь, держа в лапах самое ценное свое имущество. Завтра, каждый отдаст мне ту вещь, что безраздельно владеет его сердцем. Сделайте так, и до захода солнца вы будете освобождены. Ослушайтесь моей воли – и потеряете то, чего не ценили.

Тень сверкнула глазами и была такова.

Часы на ратуше пробили два. Никто не уходил, никто и не подумал двинуться с места. Дракончики понуро молчали. Тяжелая встреча подошла к концу, но дракончики чувствовали, что самый неприятный разговор им еще только предстоит – разговор друг с другом. Было очень трудно стоять без движения добрых два часа, и вскоре самые отходчивые дракончики принялись разминать затекшие лапы и хвосты.

Градоначальник покинул укромное местечко и теперь деловито прогуливался взад и вперед, обводя своих подданных критическим взором. Он никак не мог одобрить тот факт, что дракончики все как один перетрусили перед лицом опасности, в то время как всякий добропорядочный гражданин был обязан встать на защиту своего города и, что самое важное, представителя законной власти, и пресечь дерзкую речь незваной гостьи в самом ее начале. Ну и дела!

Сумей кто-нибудь из дракончиков прочесть мысли градоначальника на его недовольной морде, он бы несказанно обиделся, однако мысли каждого в ту минуту были столь запутаны и сбиты с толку, что им не было никакого дела до чужой физиономии.

Припекало раннеосеенное солнышко. Кто-то из дракончиков решил укрыться в сени рыночных стен, кто-то бесцельно бродил по площади и задумчиво почесывал голову, кто-то делал вид, что размышлял, все еще не решаясь пошевелиться.

День мерно клонился к вечеру. Солнце спешило спрятаться за гряды далеких гор и непроходимых лесов.

Наконец градоначальник, устав созерцать нерешительность своих подопечных, решил взвалить бремя лидерства на свои мудрые плечи. Таков уж он был, этот Патриций – всегда первым пугался и первым же приходил в себя. Выйдя на центр площади, где еще совсем недавно держала свою речь госпожа Тень, он воскликнул:

– Уважаемые драконы! Братцы! Хм, и ... леди! – добавил он, заметив, что среди толпы, несмотря на категоричную рекомендацию всем лицам женского пола воздержаться от похода на встречу, затесалось несколько бесстрашных драконов. – Мы стали свидетелями безобразного действия, друзья мои, и ныне нам предстоит рассудить, как на него реагировать!

Звонкий голос Патриция, прозвучавший непривычно резко в тишине площади, словно разбудил ошарашенных дракончиков. Один за другим они отвлекались от тяжелых дум и обращали внимание на своего начальника.

– Да-да, мои возлюбленные подданные, – продолжал Патриций, – настало время принимать решения. В связи с чем я просто вынужден задать вам неприятнейший вопрос: а умеете ли вы, дражайшие дракончики, это делать? Имеется ли у вас, так сказать, соответствующий опыт?

Молчание. Хитрец-градоначальник неспроста задал дракончикам такой вопрос – приятнее всего озадачивать собеседников задачей, ответ на которую уже знаешь.

– Ну же, не стесняйтесь, дорогие мои горожане! Делитесь опытом! Сейчас не время для ложной скромности!

Издали донесся чей-то робкий голос:

– Я вот всегда замечаю, когда огурчики спели, и пришла пора их срывать...

– А я, – вторил другой голос, вдохновленный примером бесстрашного дракончика, – я умею отличить морковку несладкую от сладкой, и выкинуть несладкую!

– А я, – начал уж было еще один дракончик, но Патриций раздраженным жестом сигнализировал всем замолчать.

– Нет, нет и еще раз нет, друзья мои! Такие примеры не годятся! Я имею в виду совсем-совсем не это! Ну же, скажите, кто из вас горазд принимать по-настоящему *важные* решения?

Он сделал особое ударение на слове «важные», так что всем присутствующим сразу стало ясно, что речь шла не об отбраковке морковок и, возможно, даже не о сборе огурцов. Что же это могло быть, такое важное? Неужто посев? Дракончики окончательно запутались.

– Я имею в виду, друзья, – не унимался градоначальник, – решения *первостепенной* важности?

Увидев по глазам своей аудитории, что истинный предмет обсуждения был окончательно вытеснен мыслями о всевозможных овощах, пронизательный градоначальник тяжело вздохнул и снизошел до намека:

– Я веду речь о недавнем происшествии с Тенью, сообразительные вы мои!..

Дракончики понимающе закивали. Точно, и как они могли позабыть о таком!

– Надобно решение, милейшие! Принимая во внимание, что никому из вас прежде участвовать в обсуждении дел государственного масштаба не доводилось, я с прискорбием вынужден сообщить следующее. Друзья и леди, незавидная ноша поиска выхода из сложившейся ситуации падает в мои искушенные лапы! Увы, я вынужден единолично определить порядок наших дальнейших действий и вывести общественность из кризиса силою своего одинокого разума!

Дракончики удовлетворенно закивали – все складывалось как нельзя лучше, и ответственность за неприятное решение вскоре будет целиком переложена на компетентную личность. Зигфрид же решительно ничего не понимал – о каком решении шла речь? Он, боясь показаться недотепой, шепотом задал мучавший его вопрос дракончику слева. Дракончик пожал плечами – он не смекал, к чему движется дискуссия, но был весьма доволен ее ходом.

– Я за Патрицием – хоть в огонь, – отметил дракончик в заключение.

– Как же так, – не сообразил Зигфрид, – уж не вы ли, милый Горошек, давеча собирали подписи под гневную петицию, когда Патриций задумал ввести налог на каждую десятую тыкву?

– Цыц, – отмахнулся Горошек, – порву петицию сегодня же за ужином. Патриций – деятельный дракончик, я ему доверяю. Цыц, слушай!

– Слушайте, же братцы, – громыхал тем временем вдохновленный градоначальник. Он еще и сам толком не придумал, какое решение нужно было принять, однако одобрительный гул толпы гнал его вперед. Ему оставалось лишь расслабиться и импровизировать. – Слушайте! Пять дней назад произошло страшное – был нарушен наш размеренный быт! В результате бесстыжей интервенции мы чуть было не лишились нашего главного сокровища – стабильности! Мы изменили своим привычкам, мы спасовали перед лицом мнимой опасности, мы нарушили четкий ритм нашего бытия, мы показали захватчице фрагментик нашего страха. Но мы не сломлены!

Дракончики одобряюще загалдели.

– Пусть думает, что мы напуганы и готовы поджечь хвосты! В этом наша сила – неожиданная дерзость станет нашим козырем! Карта Ее наглости будет бита внезапным сопротивлением! Так покажем же вредине силу драконьего духа! Дракончики! Вы со мною?

– Да! – взревели все, кроме Зигфрида.

– Она хочет, чтобы... Э, чего там она хочет? – уточнил градоначальник шепотом у своего советника Люция.

– Вещички, – прошептал в ответ Люций. – Хочет, чтоб мы отдали ей самые драгоценные свои вещички. Все как один. Задаром.

– А. Вспомнил. – И громче, обращаясь к толпе. – Дракончики! Она хочет получить наши сокровища! Поживиться на нашем добродушии, обогатиться за счет нашего гостеприимства! Не бывать этому!

Дракончики захлопали в ладоши, кто-то даже одобрительно подпрыгнул и три раза взмахнул крылышками.

– Не пускай пыль, – пожурили его соседи. Дракончик расплакался.

Триумф был абсолютным. Но смекалистый градоначальник был далек от того, чтобы почивать на лаврах – его сметливый ум лихорадочно искал ответ на мучивший всех вопрос. Для закрепления успеха он должен срочно пожаловать возбужденной толпе не придуманное еще решение – решение, в существование которого каждый дракончик в этой самой толпе без-

оговорочно и слепо верит! Без решающего хода партия будет проиграна, а триумф обернется фиаско. Едва заметно вздохнув, Патриций заставил себя забыть о волнении и целиком отдался во власть вдохновения.

– Слушайте, слушайте! – зазвучал его властный голос.

Дракончики послушно замолкли.

– Давайте, хм... давайте... – круглые изумленные глаза дракончиков начали подозревать неладное. Нельзя дать им сомневаться! Патриций взял себя в лапы.

– Кхе, – откашлялся он, – давайте... завтра в полдень принесем каждый по самой пустяковой и ничтожной вещице! Ага! – довольный своей блестящей догадкой, Патриций обрел утраченную было уверенность, – преподнесем ей чепуху, ненужное барахлишко! Как ей, плутовке, догадаться, что оно вам самим даром не нужно? вы же сумеете сделать вид, что оно вам дорого, а, господа дракончики? И дамы, конечно же.

Дракончики нахмурились и принялись оживленно кивать. И правда, как такая очевидная идея не пришла им в голову раньше!

Однако тень сомнения оставалась и в конце концов нашла воплощение в нерешительной реплике дракончика Роберто:

– Если позволите, господин градоначальник...

– Давай! – благожелательно отмахнулся Патриций.

– Но... у меня дома нет ненужных вещей! Все мои приспособленья одинаково полезны в хозяйстве, если позволите! Я бы ни за что не расстался бы ни с одним из них!

Дракончики одобрительно загудели. Каждая вещь в драконьем доме имела свое назначение – будь то незаменимая помощь в быту или же радость от факта обладания ею.

– А скрепка, милый! – подсказала находчивая Ребекка, жена дракончика Роберто, одна из отважных драконов, не бросивших свои мужей в этот тяжелый час. – У тебя на столе лежит ненужная ржавая скрепка, помнишь? Может быть, ты ее отнесешь завтра Тени?

– Скрепка?.. – задумался Роберто. – Нет, скрепка мне нужна! Не видать ей скрепки! Я как раз хотел скрепить ею пару листочков, которые я сложил на подоконнике в гостиной!

– Помилуй меня драконий бог, а листочки-то тебе зачем, Роберто! – недоумевала жена. – Ты на них, чай, не писать ли собрался? Они пожелтеть все, ветхие! Лежат там с незапамятного времени, я уж ими печку натопить собиралась зимою!

– Не смей трогать мои листочки! – разозлился Роберто, – я их в рамку заключу, а скрепка как раз кстати придется!

– Господи! – вскричала благоразумная дракониха, – ну а рамку-то по что ты хорошую тратить собрался?

– А ну, тишина! – гаркнул Патриций, и все разом замолкли.

Градоначальник уже понял, что на поверку его на первый взгляд прекрасная задумка оказалась не так уж и хороша. Действительно, выбрать самую ненужную вещь порой бывает едва ли не сложнее, чем определить свою любимицу. Да и Тень едва ли проведешь ржавыми скрепками. Нет, тут нужно действовать решительнее. Все или ничего! Пусть дракончики... пусть... Идея! Дерзкая, прекрасная идея! Смелая мысль!

– Вот ты! – воскликнул он, указывая на первого попавшегося на глаза дракончика.

– Я? – удивленно переспросил Эдвард.

– Да, ты! Какую вещицу ты превыше всего любишь?

– Так сразу и не сказать... – засомневался Эдвард. – Пожалуй, телескоп!

– Спрячь! – взревел Патриций, – найди самый прочный сундук, уволоки его в самый темный чулан и запри там свой драгоценный телескоп! А ты! – градоначальник ткнул пальцем в очередного дракончика.

– Я?! – переспросил дракончик Букашка.

– Да, ты! Ты чем дорожишь?

– Ой! – ответил Букашка, – пожалуй, домиком своим.

По толпе прокатился вздох восхищения – все первым делом подумали о маленьких и драгоценных вещичках, поэтому Букашка враз стал героем и местной достопримечательностью, ибо он единственный вспомнил о самой большой и заметной вещи.

– Запри свой дом! – вскричал градоначальник, – закрой ставни, повесь на дверь замок, спрячься под кроватью, потуши свечи!

Его осенило, он был неустойчив!

– ВСЕ! ВСЕ ВЫ! – прогремел Патриций, – все сделайте, как я накажу! Заприте двери, пусть ни один луч не проникнет завтра сквозь ваши занавески! Это приказ! Все, все, все! Завтра в двенадцать все горожане остаются дома! Покажем этой Тени! Она думает, мы мягкотелые, мы не способны постоять за себя! Так пусть же узнает, каков драконий гнев! Пусть каждая дверь будет захлопнута перед ее наглым темным ликом, пусть ее холодный голубой взгляд встретит лишь пустую площадь, пусть ваши наглухо затворенные ставни будут единственным вашим богатством, что разглядят ее завистливые глазенки! Не видать ей наших сокровищ!

Как только градоначальник завершил свою речь, грозно потрясая кулаком над головой, небо нахмурилось, а прощальные лучи уже заходящего солнца окрасили ободки туч в красный зловещий цвет. Зигфриду стало не по себе. Однако никто кроме него не смотрел на небо и не видел страшного предзнаменования. Площадь сотряс одобрительный гул. Дракончики были в восторге от новой задумки градоначальника, они нашли ее блестящей. Они были веселы, их глаза горели довольным огоньком.

После получаса оживленного обсуждения, в течение которого все, кроме Зигфрида, успели еще не раз выразить свое восхищение творческим гением градоначальника Патриция и согласиться с выбранным курсом действий, дракончики засобирались по домам. Расходясь уже на закате, дракончики немного поумерили свой пыл, поскольку грядущий день предстал перед их воображениями со всей серьезностью. Однако Тень была далеко, и они принялись храбриться и хорохориться.

– Да что она может нам сделать, эта Тень! – говорили они. – Она всего лишь тень! Разве доселе она хоть раз навредила кому-нибудь? Да не было, братцы, такого, чтобы она хотя бы разок дотронулась до кого-нибудь своими темными ручищами! И кого мы боимся? Вон, тень от репейника страшнее!

Так состоялись первые в истории города Плаксингтона Драконьи дебаты. Угнетенные, загнанные в угол, дракончики принялись искать спасение в коллективной мудрости. Как говорится, одна голова хорошо, а две лучше. Но если две головы по своей воле становятся одной, пусть потом не пеняют друг на друга.

Так уж вышло, что Зигфрид оказался в тот вечер единственным грустным дракончиком. Как мы уже знаем, он жил на самой окраине города, за гордской стеной, и путь домой был неблизок. Покинув Плаксингтон через главные ворота, дракончик смог разглядеть вдалеке свою хижину – до нее было десять минуток ходьбы, и Зигфрид решил использовать это время для размышлений.

Впервые в своей драконьей жизни наш герой не мог взять в толк, какая из сторон больше достойна его симпатий. С одной стороны, Тень действительно повела себя не очень красиво, до смерти напугав всех дракончиков и не попросив за это прощения. Более того, Тень по какой-то неведомой причине вознамерилась присвоить себе самые ценные драконьи вещички. Надо отдать ей должное, она не применяла силу – это было бы совсем возмутительно. Однако же ее зловещие слова однозначно звучали как угроза! Что бы это могло значить: принесите вещички, а не то потеряете то, чего не ценили. Это же целая загадка! А может быть, Тень в принципе неспособна была применить грубую силу и придумала вот такой хитроумный план? А что она потом будет делать с драконьими богатствами – зачем тени вещи?

И правда, думал Зигфрид, ведь она же ни разу ни до кого не дотронулась, ни разу ни на чьих глазах не двигала предметы, не задевала ненароком за швабру, не опрокидывала ведра – а на рынке, где она была частой гостьей, швабр и ведер пруд пруди – куда не ступишь, везде они... Неужто дело говорят дракончики? Неужто и вправду все ее угрозы – лишь страшные, пустые слова? Неужто и вправду она бесплотна, и дракончики долгими днями боялись призрака? А даже если так, то кто знает, на что способны призраки? Зигфриду раньше не доводилось встречать приведений, и он отнюдь не был уверен, что их не стоит бояться.

Какое-то неудобное воспоминание мешало Зигфриду до конца успокоиться. Оно дразнило его, но никак не хотело явить себя в полный рост. Зигфрид нахмурился.

И тут он вспомнил. Его и без того круглые глаза превратились в широкие плоски, а хвост встал торчком – он вспомнил, как днем ранее Тень постучалась в его дверь.

Ну и дела! Стало быть, Тень не так уж и проста.

Стоило ей только захотеть, и она смогла бы без особых усилий отобрать какое угодно сокровище у любого дракончика! Да что уж там! Учитывая, какой панический страх Тень вызывала в каждом обитателе города, она могла бы в считанные часы присвоить себе каждый драконий домишко, и никто и слова ей поперек не сказал бы. Стало быть, продолжал думать Зигфрид, Тени хотелось устроить все так, чтобы дракончики сами, почти добровольно, под влиянием туманной угрозы, отнесли Тени свои драгоценные вещички. Причем не все, а каждый по одной. Странно все это! И зачем Тень придумала такую несурзацу!

Неужели ей не приходило в умную темную голову, что многие дракончики захотят просто-напросто надуть ее, как то предложил градоначальник? Или же ее голубые глаза смогут заглянуть в драконью душу и разоблачить ложь?

Зигфрид боялся Тени, но не так, как остальные дракончики. Может быть, он себе это вообразил, но ему казалось, что в ее взгляде и в ее словах было что-то печальное. А разве может злая тень грустить? Зигфриду думалось, что грустить может только мудрая тень, но никак не злая. Но она была настолько грандиозна, величественна и по-страшному красива, что не бояться ее было нельзя. Только вот красоту в ней разглядел один лишь Зигфрид.

Придя домой, Зигфрид поставил кипятиться чайник и уселся на кровать. Он продолжил размышления.

Итак, с Тенью все ясно – ясно то, что ничего неясно. А как же дракончики? Как относиться к ним?

Дракончики, как показалось нашему герою, тоже повели себя не совсем порядочно. Они плохо отзывались о Тени за глаза и замыслили обман, однако же при встрече были слишком напуганы и смолчали. Может быть, она вняла бы разумным доводам?

Дракончиков можно было понять – их страх был легко объясним, их право и желание не расставаться с честно нажитым имуществом – тоже.

Выходит, неправа Тень? Выходит, так... Но почему-то всякий раз, когда Зигфрид закрывал глаза, он видел перед собой грустный голубой взгляд и начинал сомневаться во всем на свете. Ну почему, почему он запутался, когда все должно быть решительно просто? Сколько же вопросов нужно прояснить, сколько загадок разгадать! Ах, если бы он смог поговорить с Тенью один на один, хотя бы минутку, когда кругом не было стольких порицающих, недоверчивых глаз! Ах, как хотелось узнать истину!

Зигфрид пребывал в состоянии очередного созерцания грустного взгляда Тени (потому что глаза его сами по себе закрылись), когда он осознал, что засыпает, и усилием воли заставил себя взбодриться. Караул – чайник убежал! Дракончик стремглав бросился спасать положение. Он схватил старенькую тряпку (на ней были вышиты щит и алебарда), осторожно снял чайник с огня и, чтобы не обжечься и не попортить стол, установил посудину на железную подставку. Покуда вода остывала, Зигфрид успел насыпать листики зеленого чая в свою любимую чашку (на ней была изображена странная птица) и поудобнее усесться за столом. Ну, вот и все –

чай можно заваривать. Дракончик залил листики горячей водой и принялся глядеть на пар, который деловито клубился и поднимался все выше и выше вверх. Как же замечательно, что горячий чай, пока его еще нельзя пить, испускает вот такой вот замечательный, красивый пар, наблюдать за которым – сплошное удовольствие! Как же умно все устроено на свете! Зигфрид умиrotворенно вздохнул.

Когда напиток наконец-то остыл, и дракончик приступил к чаепитию, новая мысль внезапно вытеснила из его гладкой головы все остальные, и он отставил кружку в сторону. А что же делать завтра?

И правда! Градоначальник строго-настрого запретил всем дракончикам-горожанам высовываться из своих домов, чем невообразимо обрадовал общественность. Только вот чисто с технической точки зрения Зигфрид жил не в городе, ведь его хижина находилась на самой окраине – за пределами городских стен... Распространялся ли запрет на него? Может быть, Зигфриду стоило отправиться на площадь и попробовать объясниться с Тенью – дать ей понять, что ее стратегия не нашла должного понимания со стороны драконьего народонаселения. Зигфрид был очень стеснительным дракончиком, и ему было бы неудобно объясняться с Тенью в присутствии всего города. Однако же поговорить с нею один на один было гораздо менее необычно – по крайней мере, Зигфрид уже как-то беседовал с Тенью, и мог бы постараться сделать это еще раз.

Так я и поступлю, решил Зигфрид. Не переговоры он с Тенью сейчас – и возможность узнать столь важные ответы может больше никогда не представиться. А с надеждою познать правое и неправое погибнет и другая мечта – мечта стать хорошим дракончиком. Решено! Завтра чуть свет – и на площадь. И пусть градоначальник гневается (а в том, что он будет весьма раздосадован смелым поступком Зигфрида, сомневаться не приходилось)! Зигфриду нечего скрывать, и он готов присутствовать у врат рыночных с самого раннего утра, дабы никто ненароком не помыслил себе, что Зигфрид пробрался на встречу с Тенью тайком!

А на случай если Тень окажется права, Зигфрид решил иметь с собою самую драгоценную свою вещь – драконья честь обязывала его поделиться с Тенью сокровищами, коли помыслы ее и впрямь благородны.

Только вот незадача – богатств у нашего героя совсем не было!

Надобно было придумать, какая из Зигфридовых вещичек пригодилась бы такому загадочному существу, как Тень. Чайник? Чайник был неприметным, поцарапанным и помятым (он несколько раз падал), хотя им вполне можно было пользоваться. Разве что, крышечка сидела не так плотно, как раньше, да деревянная ручка перестала быть деревянной – осталась одна железяка. Хм, нет, чайник не пойдет.

Может быть, стамеску? Зигфрид был никудышным плотником и не пользовался таким хитрым инструментом, но, быть может, Тени он придется ко двору? Нет, тоже не то.

По правде сказать, Зигфрид уже догадался, какой выбор ему надлежало сделать, однако он никак не мог с этим выбором смириться, и его взгляд еще некоторое время лихорадочно исследовал комнату в отчаянном поиске какой-нибудь полезной и замечательной диковинки, пока наконец неизбежно не остановился на синей тоненькой книжице, удобно устроившейся на тумбочке у изголовья кровати, рядом с пером и промокашкой. Зигфрид вздохнул.

Уголки книжицы были романтично загнуты и первые страницы немного топорщились кверху, как то бывает с книжками, которые очень часто читают.

В книжке были стихи – стихи, которые Зигфрид написал сам. Надо ли говорить, что дороже вещи у нашего героя не было. Спросите у любого знакомого поэта – как сильно, господин поэт, вы любите свои стихи? Плохой поэт прямо ответит, что любит их очень сильно. (Он плох не тем, что любит свои стихи – как раз это в порядке вещей. Но негоже поэту отвечать прямо на простые вопросы – с такою чертою лучше быть прозаиком!) Хороший поэт просто

покачает головой и улыбнется, а очень талантливый поэт тут же мечтательно закатит глаза, еле слышно что-то пробормочет и бросится за пером и чистым листком бумаги, писать оду стихам.

Зигфрид был поэтом (хорошим ли, талантливым ли – судить вам), и ничего дороже стихов собственного сочинения в его бедной хижине отродясь не водилось. Да и что иное может заинтересовать госпожу Тень в его скромном хозяйстве? Ложек и поварешек можно достать где угодно, а вот стихи не всякий сочинит. Как и всякий поэт, наш дракончик надеялся, что его произведения понравятся читателю с хорошим вкусом, а потому он просто не мог не считать их уместным подношением утонченной Тени.

Уговор есть уговор! Стихи так стихи! Решил храбрый дракончик. Он сжал лапу в кулачок, а по щеке его пробежала слезка.

Не раскисай, Зигфрид! сказал дракончик сам себе. Быть может, и не придется отдавать книжицу. Однако сама мысль о расставании с драгоценной тетрадкой была нестерпимой. А расставание, случись оно, станет необратимым: переписать стихи заново было бы жульничеством, а Зигфрид был гордым дракончиком. Поэтому не будем же к нему слишком строги, когда узнаем, что перед самым сном он все-таки не удержался и разок перечитал всю книжку от корки до корки, чтобы стишки остались хотя бы в его памяти. Как знать, быть может спустя годы Тень все же сжалится и разрешит Зигфриду заново предать его сочинения бумаге? На этот случай хорошо бы запомнить хотя бы пару строчек!

Вот самый грустный стих. Он как нельзя лучше соответствовал настроению Зигфрида и дождику, который начал тихонько шуршать за окном:

Дракон грустит, сражен тоскою,
Волною горести накрыт.
Обманут ветреной судьбою,
Раздавлен, брошен, позабыт.

А когда совсем стемнело и все добропорядочные дракончики уже видели третий сон, Зигфрид, испытав пронзительный укус вдохновения, вскочил с кровати и бросился к письменному столу (таковым был обеденный стол, который служил письменным в необеденное время). Дракончик зажег свечку, обмакнул перо в чернильницу и написал на чистом листочке бумаги такие строки:

О! Где волшебные минутки?!
Куда уносятся они?
Как стебель вялой незабудки
Печаль иссушивает дни.

Кто клятву даст мне сил нарушить,
Что я во гневе буйном дал?
Как чести бастион порушить,
Что в путы душу мне связал?

Колодезь слез моих уж полон,
Но утоленья горю нет!
И наводнением соленным
Грозит мне скорбный мой обет.

Измотанный, уставший, но немножко довольный, он отправился спать. Хоть что-то пусть останется мне, думал Зигфрид, ведь этот новый стишок – он не из книжки!

А завтра будет новый день, завтра будут новые решения. И пусть драконьи сердца остынут к бедному Зигфриду, пусть драконьи глаза увидят в нем предателя, пусть драконьи лапы откажутся пожимать его, Зигфридову лапу. Пусть! Все это не так важно, когда ты знаешь, что ты Дракончик, Который Поступил Правильно.

Тьма

Настал новый день. Зигфрид почувствовал, как солнышко пробивается сквозь занавески и тихонько греет мордочку и одеяло – он потянулся, довольно вытянул хвост стрункой и от радости собрался уж было вздремнуть еще.

Так уж повелось, что Зигфрид очень ответственно относился к распорядку своего дня. Несмотря на то, что порою по велению музыки ему приходилось засиживаться глубоко за полночь, рассвет очень редко находил его спящим. Дракончик вставал рано и принимался хлопотать по хозяйству. И надо же было такому случиться, что накануне ночью музыка посетила Зигфрида заметно позже, нежели он к тому привык, а посему даже бдительная совесть и чуткий организм не уберегли его от страшного.

Осознание беды пришло к нему в самый сладкий момент, когда он был готов забыться в блаженстве возобновленного сна. Слишком яркий свет и необычная бодрость воздуха запоздало ворвались в его сонную голову, и Зигфрид как ошпаренный подскочил на кровати и остался сидеть. Его ночной колпак съехал набок, а глаза открылись шире обычного.

Проспал!

Дракончик, не тратя время на завтрак, схватил дражайшую тетрадку и что было мочи припустил в направлении города. Солнце плыло высоко над горизонтом – полдень близился. Зигфрид чуть не плакал от обиды и был очень зол на себя. Ах, кабы ему удалось добраться до площади раньше всех – никто не посмел бы потом указать на Зигфрида лапой и сказать: Зигфрид тайком прошмыгнул на площадь и подружился с Тенью! Глупая, глупая надежда! Но насколько же легче живется в драконьем мире, когда у вас есть надежда и цель...

Вот и стены близко, вот городские ворота выплыли из-за холмика! Чу! Что это впереди, будто черный дым поднимается вдали навстречу голубому небу! Скорее, скорее к площади.

Чем ближе к площади, тем пасмурнее вокруг становится, тем тяжелее бежать. Это не дым – это густые тучи, которые ни с того ни с сего заполонили все небо над городом. То и дело злобная молния пронзает черноту фиолетовой вспышкой, и тогда становится видно, что тучи клубятся и дышат, словно живые.

Вокруг тишина, Плаксингтон будто опустел – все ставни закрыты, двери заперты, на улицах ни души. Жуткое зрелище! Скорее, на площадь!

Но нет – опоздал! Издалека доносится бой часов – двенадцать! Полдень настал. Удар за ударом возвещает о непоправимом!

Предательская слезка щекочет драконий глаз и стекает вниз, падает на мостовую – дракончику обидно, он сжимает кулачки. Он отгоняет от себя грустные мысли и бежит вперед, не разбирая дороги. В прошлый раз Тень опоздала на встречу – авось, не ушла еще, думает Зигфрид, пытаясь подбодрить себя. И это ему удается, пока он не вспоминает о страшных, тягостных тучах – откуда они, что же произошло?

Зигфрид ускоряет темп, он даже машет немного своими маленькими бесполезными крыльшками – сегодня все средства хороши. Ни один дракончик в истории Плаксингтона еще не бежал так быстро! Никогда, даже в дни распродаж, дистанция от ворот до рынка не была покрыта столь стремительно!

Отчаянный бросок закончен – запыхавшись, дракончик стоит на площади.

***

А что же горожане, что же остальные дракончики? Где были они в этот судьбоносный час?

Бравые дракончики, плотно накануне отужинав и осознав весь ужас своего незавидного положения, не на шутку перепугались и закупили свои домики еще с вечера. Кто-то, тот, кто похрабрее, крепко накрепко затворил ставни, занавесил для верности окна и запер входные двери на все имевшиеся в хозяйстве замки. Кто-то (чтобы никого не обидеть, будем называть их более рассудительными дракончиками) на всякий случай забаррикадировал двери при помощи комодов и заколотил ставни гвоздиками. Рассудительнее всех оказался господин градоначальник. Бедняга Патриций принял все возможные и невообразимые меры, дабы исключить проникновение в дом подлой захватчицы. Будучи лидером общины и натурой чрезвычайно изобретательной, он счел нужным спрятаться в подвале. Вход в указанный подвал караулили четверо дракончиков-прислужников, вооруженных метлами; их храбрые головы за неимением более подходящего доспеха украшали ведра, которые наши почтенные стражи натянули себе на глаза, чтобы ничего не видеть. Ноги всех четверых дракончиков ощутимо тряслись, а кончики хвостов нервно торчали кверху. Сам же Патриций в это время отыскал в подвале старый пустой шкаф и, прихватив с собою кусок пирога и флягу водицы, схоронился там на сутки.

Ночью дракончики спали плохо, просыпаясь от малейшего шороха, а с утра пораньше продолжили усердствовать в укреплении своих самодельных фортификаций, то и дело посматривая при этом на часы. Когда стукнуло одиннадцать, рассудительная половина города не сговариваясь припала к полу, закрыла глаза и заткнула уши лапками, чтобы ничего не видеть и не слышать. В половину двенадцатого, сама того не подозревая, храбрая половина последовала примеру рассудительных дракончиков, избрав, однако, более достойный метод для своего временного отрешения: храбрые дракончики предпочли спрятать головы под подушки. Особо стойкие даже сочли нужным немного подремать.

Из-за столь отчаянных мер никто из жителей города так и не узнал, что произошло на площади в тот судьбоносный день.

А произошло вот что.

Зигфрид, отдышавшись и удостоверившись, что ни одна страничка не выпала, пока он бежал, из драгоценной тетрадки, посмотрел на небо. Здесь, над площадью, тучи были самыми густыми. Они не пропускали сквозь себя ни одного лучика и, если бы не синее вдалеке полуденное небо, наш герой решил бы, что ни с того ни с сего настала ночь. Впрочем, даже маленького кусочка ночи над головой было вполне достаточно для того, чтобы напугать бедного Зигфрида. Дракончику было очень неудобно. Он надеялся, что разговор с Тенью получится коротким, тихим и вежливым. Однако же темнота вокруг, то и дело сверкающие фиолетовые молнии и пронизывающий ветер, поднявшийся с последним ударом часов, не давали дракончику поводов для оптимизма.

Тени нигде не было видно. Неужели ушла? – подумал Зигфрид.

Он обошел площадь по периметру, потом два раза прошелся вдоль и поперек – туда и обратно. Ветер усиливался, он неистово свистел в ушах и трепал крылышки. Книжка со стихами то и дело раскрывалась в драконьих лапках, самые непоседливые листики угрожающе норовили вырваться на свободу, и тогда Зигфрид вынужден был крепко прижимать тетрадку к груди и ходить медленнее, так как у него больше не получалось размахивать лапками и сопротивляться ветру. Иногда он забывался, и схватку с тетрадкой приходилось повторять.

Утомившись, наш герой вернулся к ратуше и опустошенно уселся на крыльце. Ветер завывал, тучи потемнели до невероятной, ночной черноты. Часы... часы показывали двенадцать!

Зигфрид неистово потер свои изумленные глаза кулачками. Нет, он не обознался – часы и вправду показывали полдень. Но это было решительно невероятно – дракончику показалось, что он пробыл на площади целую вечность. Неужели не прошло ни минутки?

Осознав, что обронил тетрадку, Зигфрид на мгновение позабыл о всех заботах и приступил к немедленным поискам. Вот она, на ступеньках – нашлась. Ветер уже всю теребил беззащитный томик, однако ни один мятежный листочек так и не успел осуществить дерзкий план побега: Зигфрид тщательно перелистал книжицу и удостоверился, что все двадцать страничек были на месте. Подняв взор со вздохом облегчения, он увидел перед собою Тень.

Внезапно ветер стих. Тучи над головою перестали клубиться и замерли.

Они смотрели друг другу в глаза, Тень и дракончик, дракончик и Тень.

Зигфрид ждал, когда тень что-нибудь скажет; Тень безмолвствовала.

Дракончику было немного не по себе, но тишина вокруг была настолько волшебной, что он будто разом позабыл все слова. Было очень неохота разговаривать, он молчал. Зигфриду даже показалось, что темнота стала слегка нежной и бархатной, немного фиолетовой – как молнии, которые пугали его по пути на площадь, только гораздо приятнее глазу и уютнее. Страх понемногу отступил, сделалось очень благостно и тепло. Добрые темно-пурпурные сумерки заключили дракончика в свои объятия, и веки стали слипаться. Где-то в уголке сознания мелькнула и пропала непонятная мысль, но Зигфриду было не жалко с нею расставаться – он совершенно не хотел ни о чем думать.

И все это время на него смотрели две голубые щелочки – такие мудрые и неземные. Казалось даже, что свет этих чудных глаз полутонами очертил плавные контуры незнакомого лица – такого странного и такого непонятного, но оттого еще более прекрасного.

Тень сделала едва заметное движение рукой. Зигфрид знал, как нужно было поступить. Он мягким и уверенным движением протянул ей свою тетрадку.

Стихи! Его собственные стихи. К чему они? Зачем вообще поэты пишут стихи? Разве могут слова и рифмы передать музыку тишины, блаженство великого таинства, магию непостижимого свечения? Мало кому дано испытать такое счастье, но стоит ли даже покушаться на совершенство, стараясь заключить небесную песнь в оковы неуклюжих сказаний? Ах, каждый потаенный уголок Зигфридовой души знал, что его перо бессильно перед открывшейся ему красотой. Вся жизнь он мечтал запечатлеть ее в своих произведениях, но вот теперь, увидав наконец свою высокую цель, он понял, что взял на себя непосильную ношу. Он может лишь признать свое поражение, выбросить белый флаг – и поклониться прекрасному. Тень приняла дар.

Прогремел гром. Все переменялось.

Тень взмыла вверх, расправив свои черные крылья.

Дивное видение испарилось, уступая жестокой буре.

Тишина разлетелась на мелкие осколки: ветер взвыл, тучи взорвались беспорядочным вихрем. От теплого бархата не осталось ни следа, и хищные молнии пронзали небо беспощадным заревом. Тень поднималась все выше и выше, стремительно, словно коршун, который бросился на беззащитную жертву. Ее крылья обратились в бесконечный шлейф и стали хвостом черной кометы. Небо над ее головой вспыхнуло и разломилось, тучи завертелись злоеюще воронкой и расступились прочь, обнажая далекий свет. Тень пролетела в образовавшуюся дыру и одним взмахом обняла показавшееся было солнце. Настала темнота.

Зигфрид бросился бежать. Он выбирал дорогу наугад. Фиолетовые молнии, мерцавшие иногда где-то вдалеке неясным всполохом, на мгновение озаряли его путь, и тогда он бросался в ту улочку, которая казалась ему немного знакомой. Каким-то чудом он добрался до городских ворот и ринулся по холмам навстречу своей хижине. Мрак стал абсолютным, и теперь даже молнии перестали мелькать над головой, а черные тучи слились с черным небом и стали одной черной беспросветной завесой.

Зигфрид споткнулся о камень, кубарем полетел с холмика и спустя несколько кувырков обнаружил себя посреди неглубокой речки. Горе мне, подумал дракончик, речка так далеко от моего домика! Он забрел не туда!

С трудом поднявшись, дракончик заковылял прочь от воды. Он едва различал очертания холмов впереди, а темнота не собиралась рассеиваться. Поняв, что окончательно заблудился, Зигфрид обреченно сел на траву и уставился в пустоту. По телу разлилась усталость – тяжелая, как железо, и глубокая, как сон без сновидений. Сон... как же хотелось спать. Дракончик закрыл глаза, и мрак стал еще более густым.

Над ним склонилась Тень.

Завтра

На следующее утро Зигфрид проснулся перед самым рассветом, когда мир снаружи был сумеречным, а все остальные дракончики еще мерно похрапывали. Час был ранний, поэтому Зигфрид решил немножко понежиться в постельке и помечтать. Когда солнце наконец появилось из-за далеких восточных гор, оно по своему обыкновению заглянуло к нему в хижину и, просочившись сквозь массивную оконную раму, нарисовало на его одеяле четыре расплывчатых квадрата, маленькие лужицы света.

Тогда Зигфрид, сам не понимая почему, в первый раз заподозрил неладное.

Странно, решил Зигфрид – может быть, вчера стряслось что-то необычное? Не припоминаю, что такого странного могло вчера произойти...

Он встал с постели, заварил чай и уселся за стол, помешивая душистый напиток в желтой глиняной кружке.

Ощущение чего-то неправильного не покидало дракончика.

Зигфрид размышлял над этой неприятностью и мерно похлебывал чаек, когда в дверь постучали. Он спрыгнул со стула и, продолжая думать на ходу (что отнюдь не было среди дракончиков общепринятой практикой, так как думать на ходу очень сложно), направился на зов неведомого гостя. За порогом, к его удивлению, стоял сосед Карло, никогда ранее не встававший в такую рань, и более того, имевший необыкновенно хмурую для себя физиономию. Зигфрид был настолько сбит с толку, что поначалу даже забыл поздороваться.

– Привет, – буркнул Карло и устался в пол.

– Привет, – медленно произнес Зигфрид, тщетно пытаясь выйти из ступора. Карло, как будто не желая помочь своему товарищу справиться с неудобной ситуацией, продолжал смотреть в пол.

– Я могу тебе чем-то помочь, Карло? – спросил наконец Зигфрид.

– Можешь, – ответил Карло, предварительно немного подумав. – Дай в долг пять монеток.

Сам необычный характер просьбы и безразличный, обыденный тон, которым она была озвучена, не на шутку встревожили нашего героя. Здесь мы вынуждены отвлечься и заметить, что дракончики очень редко просили в долг деньги, ибо, во-первых, они были гордыми, а во-вторых, сами неохотно расставались с монетками и потому боялись услышать отказ от других.

Но Зигфрид был необычным дракончиком, и он, не задавая неудобных вопросов, молча проследовал к сундуку, переложил книжку, лежавшую на его крышке, на кровать, открыл крышку, достал из сундука пять золотых монет и так же молча вернулся к другу Карло и протянул ему деньги. Карло что-то буркнул в ответ (получилось очень похоже на «спасибо», но Зигфрид не смог бы за это поручиться) и побрел по направлению к городу, не отрывая взора от ступенек, а потом уже и тропинки, ведущей прочь от хижины Зигфрида.

Ну и загадку приготовил дракончику новый день!

Пытаясь отвлечься от неприятных мыслей, Зигфрид допил чай и решил проведать своего приятеля, фермера Помидорку, торговавшего овощами на рынке под вывеской «Томаты свежайшие да огурцы дивные».

Погода стояла престранная. Было жарко, даже душно; казалось, что вот-вот разразится гроза. Несмотря на то, что тускло-голубом небе не было ни облачка, оно казалось Зигфриду пасмурным и неприветливым. Дракончик то и дело недоверчиво поглядывал наверх, как будто ожидая, что в любую минуту откуда ни возьмись набегут тучи.

По дороге на рынок Зигфрид повстречал лишь нескольких дракончиков-прохожих, и все они поразили его необычайно задумчивым выражением мордочки. Конечно, дракончики часто обижались и расстраивались по пустякам, но на каждого расстроенного дракончика всегда находился один счастливый (угадайте, почему), а повстречать дракончика не только рас-

строенного, но к тому же еще и задумчивого, было делом неслыханным. Увидать же сразу несколько хмурых дракончиков подряд было происшествием почти невероятным, а потому Зигфрид всерьез беспокоился.

Однако на рынке его ожидали новые потрясения.

Лишь только Зигфрид миновал нарядную арку, прошел по первым еще не заполненным рядам и вышел на рыночную площадь, тревога еще прочнее сжала его драконье сердце – вместо привычного гвалта и шума его встретила гнетущая тишина. Все продавцы были на привычных местах, а дракончики-покупатели чинно курсировали от лавки к лавке; однако они молчали, и мордочки их были сосредоточены и сердиты. Вместо деловитого шума и музыки возбужденного торга Зигфрид слышал лишь случайные фразы, произнесенные полусшепотом, хмурые замечания, брошенные здесь и там по неизвестному поводу, да гордое фырканье, производимое дракончиками как знак неудовлетворенности товаром и отказа от покупки.

Зигфрид, опечаленный и сбитый с толку, попытался напрямую протолкнуться на дальнюю сторону площади – туда, где расположил свои прилавки приятель Помидорка, однако каскад осуждающих взглядов настолько смутил его, что наш герой был вынужден пойти в обход. Очень странно было видеть дракончиков, брезгливо реагирующих на здоровое поталкивание! А еще удивительнее странного было видеть Помидорку подавленным и отрешенным!

Когда Зигфрид окольными путями добрался наконец до Помидоркиной лавки, даже гордо реявшая в иной день вывеска «Томаты свежайшие да огурцы дивные» выглядела какой-то обмякшей и тусклой, а сам фермер угрюмо сидел в самом темном уголке своего вагончика и смотрел в пустоту. Раз в минуту он ронял скупую драконью слезу и тяжело вздыхал.

– Зигфрид! – воскликнул Помидорка, завидев своего товарища, вскакивая и протягивая Зигфриду лапу с таким рвением, как будто тот своим появлением спас его от незавидной участи. – Что ты здесь делаешь, дружище?

– Помидорка! – забормотал Зигфрид, пожимая Помидоркину лапу. – Как ты, Помидорка? Почему ты плачешь? Я, право дело, не могу понять, что случилось с нашим городком! Почему все дракончики такие сердитые и понурые? Почему все такое странное? Что происходит, друг Помидорка?

– Зигфрид! – молвил в ответ Помидорка, – хоть убей, сам не соображу! С самого утра мне сделалось печально, как будто что приключилось! Немного хочется плакать, и животик покалывает, будто съел не то. Я пожаловался жене, а она мне и говорит: «Ты, Помидор, больно впечатлительный. Твое дело овощи растить да на рынке торговать, а ты все поводы ищешь, чтобы от работы увильнуть! Так мол и так, не верю я тебе, симулянту.» Тут меня такая обида взяла, Зигфрид, я ей и говорю: «Ты, мол, меня просто так не оскорбляй, честного труженика. Тоскую я, грустно мне взаправду! А слова твои злые и беспочвенные.» Прямо так и сказал, представь себе, – «бес-поч-венные»! Уж не припомню, откуда такое словечко мне ведомо, ну да слово не воробей, вылетит – не воротишь. Признаться, резковато я ей возразил. Да и Фасоленка моя слов таких мудреных знать не знает – подумала, бедная, что я ее, дуреху, обозвал как-то побидному, и давай реветь. Ты, говорит, Помидор, смотри у меня, здоровую жену на больничную койку сведешь и бровью своей бесстыжей не поведешь. Ишь ты, выучился как разговаривать! Ты, говорит, ступай на рынок, и чтобы очи мои тебя сегодня больше не видели до самого вечера! Иди, велит она мне, и принеси в дом монетки! Мне, признаться, Зигфрид, стыдно стало, что я так с Фасоленке нагрубил, а оттого мне сделалось еще грустнее, и я послушно побрел сюда. Даже не скушал завтрак. Прихожу я, значит, раньше всех, как мне было подумалось. Я, а за мной верный ослик Виконт. Видал ты его?

Зигфрид кивнул – Виконт был хорошим осликом.

– Виконт мой тащит тележку с овощами, – продолжил Помидорка, – еле-еле идет своею ослиной походкою. А я, страдающая душою, его по недосмотру опередил, да так, что пришел к прилавку пораньше ослика. А часы лишь только пробили восемь. Ну, думаю, рано я сегодня

собрался! Покупателей ищи-свищи в такую рань, буду баклуши бить. Не тут-то было! Смотрю я, Зигфрид, а все мои... как ты говоришь?

– Коллеги, – подсказал Зифгрид своему другу.

– Ага, точно. Коллеги! Так вот, все мои коллеги уже тут как тут! Что за чертовщина, думаю, не спалось им что ли? чего в такой час на рынке делать. Я уж было принялся со всеми по своему обычаю здороваться. Привет, говорю, всем! Привет, говорю, Самовар! здравствуй, Бублик! А они знай себе, кивают – да так, что едва заметно, будто я злодей какой и нету чести со мною по-драконьему, то есть вежливо, поздороваться. Тут я, братец мой, совсем приуныл. А коллеги мои так и сидят молчком, не разговаривают, дуются невесть на что, гордые, все из себя важные! Тьфу! Грустно-то как! Лишь только Виконт за мною подоспел, бедняга, я овощи тут же разложил, да сел себе тихонечко в уголок и предался интроспекции.

– Чему? – удивился Зигфрид, – чему это ты такому предавался?

– Неважно, – Помидорка махнул лапой, но на щеках его впервые за день заиграл здоровый румянец. Было приятно знать словечко, которое не слышал даже сам Зигфрид.

– А потом, Помидорка? Что было потом, когда пришли покупатели?

– Ах, потом?.. – вздохнул Помидорка, которого этот вопрос вернул к суровой действительности. – А потом, Зигфрид, дела расстроились пуще прежнего, если приличный дракон сможет такое себе вообразить! Уж как я надеялся: вот, братцы мои, придут сейчас наши дракончики шумные, покупатели долгожданные, да зазвенят монетки, разбудят вас, каждого брюзгу. Эх! Никогда, Зигфрид, никогда Помидорка так не ошибался! Лишь только я слышал, как часы на ратуше пробили девять, так сразу же я начал потирать лапки и поглядывать в направлении ворот – ну, думаю, сейчас набегут, драгоценные наши. Ух, поторгуемся! И что ты думаешь?

– Что?! – подбодрил его Зигфрид, хотя он уже обо всем догадался.

– А ничего! Тишина! Сижу, знай себе, жду! Добрых пять минут прошло! И вот – появляются. Идут, важные такие, не спеша, поглядывают по сторонам, каждый сам по себе, держат дистанцию. Морды у всех брезгливые, в глазах подозрение, на лбах – морщины скепсиса!

– У-у-у! – протянул Зигфрид.

– Не говори! – подтвердил Помидорка, – Я тогда чуть не расхныкался! Где же толкотня, крики, радость? Где азарт? Где звон монеток? Ходят, поглядывают, ничего не покупают. Цену только иногда спросят, хмыкнут, и дальше идут. Дошли наконец и до моей лавочки. Некто Прищепка – самый важный, даже праздничный монокль нацепил, – смотрит на мой товар, недоверчиво так, с презрением, и осведомляется: скажите, говорит, любезный, почем вот этот огурец – и тычет на самый скромный неприметненький овощ. Я оторопел, дара речи лишился. Не далее как на прошлых выходных, на ярмарке в долинке, он со мной квас распивал и величал меня «друг Помидор», а теперь, стало быть, я ему совершенно посторонним драконом стал: то-то он со мной так чопорно разговаривает! Ну и ну! Да и шут с ними, с разговорами: где это видано, чтобы дракончик к одному-единственному огурчику приценивался!? Ладно бы огурцы мои были большими, так нет – они у меня маленькие, с пупырышками, объединение! Такие огурцы надобно брать комплектом, ибо из одного огурца даже салат не сделаешь. Взыграла во мне, Зигфрид, гордость, и такой ответ я держал – извольте, говорю, не беспокоить из-за одного овоща: в таких мелких масштабах мне, батенька, торговать невыгодно. Уж как он зарделся! Глаза на меня выпучил, грудь выпятил, ноздри раздул. И шипит мне следующее: Ах так! Тогда я у вас и вовсе брать ничего не буду – дорого! И ушел. Представь себе, Зигфрид, друг мой сердечный, дорого ему! Так он и цены от меня не дождался, а уже решил, что дорого! Тьфу, вот так напасть. Остальные дракончики эту сцену как увидели, так и стали нос от моей лавочки воротить – вот и сижу я теперь один-одинешенек, без прибыли и достоинства, коротаю минуты в пучине отчаяния.

Сложно сохранять спокойствие, когда происходят такие ужасные, вопиющие несправедливости. Словно заново пережив все зловещие события этого несчастного утра, Помидорка, сделался так раздосадован, что по щекам его скатились три горячих слезинки.

Зигфриду сделалось неловко наблюдать печаль своего товарища, а Помидорка настолько погрузился в собственные угрюмые мысли, что беседа прекратилась на этой пессимистичной ноте и решила не возобновляться.

Зигфрид почесал затылок. Помидорка вздохнул. Зигфрид тоже вздохнул за компанию, но Помидорка не заметил этот дружеский жест. Пришла пора прощаться. Дракончики молча пожали друг другу лапы, и Зигфрид, озадаченный и не на шутку обеспокоенный, отправился домой. Что же случилось с горожанами?

– Думай, дракончик! – сказал он сам себе. – Думай!

Зигфрид покинул рынок. Проходя мимо ратуши, он по привычке посмотрел на часы и вдруг остановился как вкопанный. Какая-то неприятная мысль мигнула и пропала – что-то, неотъемлемо связанное с этим самым местом, с этой площадью.

И вновь дракончик почесал затылок.

Ощущение того, что вчера стряслось что-то важное, лишь усилилось.

«Что я делал вечером накануне?» – задался вопросом Зигфрид. Ответа не было.

Он огляделся по сторонам, пытаясь заметить, не изменилась ли площадь за последние сутки, не построил ли кто украдкой новое здание, не обсыпалась ли черепица с близлежащих домов, не повыковыривал ли кто брусчатку. Во глубине души Зигфрид чувствовал, что ответы нужно искать не здесь – не во внешнем облике окружающих вещей, а где-то еще, там, куда так просто заглянуть, но куда так редко смотрят. Но почему-то отгадка никак не приходила, а потому он продолжал вглядываться в дома, проходящих мимо дракончиков, мостовую – отчаявшись что-либо разглядеть, но не будучи в силах остановиться. Что же произошло здесь, у ратуши?

Площадь отказывалась выдавать свои секреты, и дракончик побрел прочь, побежденный, но не сдавшийся.

Путь от рынка до дома прошел в угрюмых и бесплодных размышлениях. Улицы были привычно людными, однако дракончики-горожане были все так же невеселы, а бедняга Зигфрид по-прежнему не мог подобрать к этой тайне ключиков.

«Как странно», подумал Зигфрид, когда городские стены уже остались далеко позади, «что все так странно».

Тысячи сомнений разом терзали чуткую драконью душу. Что же делать? – раз за разом спрашивал себя Зигфрид, – что же делать, как поступить? Как себя вести, когда точно знаешь, что что-то пошло наперекосяк, но никак не можешь понять, что?

Увы, все ответы и разгадки на свете словно бросились врассыпную при виде озадаченного дракончика – совсем как мыши, слышавшие тяжелую поступь спускающегося в погреб хозяина, – короче говоря, положение представлялось решительно безвыходным.

Когда Зигфрид кое-как добрел наконец до своей хижинки, лоб его был нахмурен, а глаза серьезны и грустны.

Зигфрид отворил дверь. На первый взгляд, комната была все той же – такой, какой он помнил ее всю свою драконью жизнь... Старая добрая комната! Однако же, что-то неуловимо изменилось; что-то во всем мире пропало, испарилось, исчезло. И это что-то всегда незримо и буднично существовало в каждой молекуле Зигфридовой хижинки, в каждой частичке воздуха, в каждом вздохе каждого дракончика – а теперь весь мир, а вместе с ним и хижина, и комната разом оказались обездолены и обмануты. Это неуловимое что-то кричало о себе на каждом углу, заходило в безмолвном плаче и затихало в пронзительной грусти, отчаянно просило о помощи и все неотвратимее ускользало прочь от дракончика. Что же это? Где оно? Как его найти?..

Стихи! – осенило дракончика. У Зигфрида, как у всякого поэта, была такая привычка – описывать все значимые события личной и общественной жизни в форме стихотворений. К стихам он обращался даже скорее дневника. Если муза не приходила сразу, дракончик не отчаивался. Он все равно открывал поэтическую тетрадь и делал наброски: записывал карандашом основные впечатления, разрозненные строки и эмоции, надеясь, что, когда муза все-таки посетит его, этих заметок будет достаточно для того, чтобы припомнить свои недавние чувства и предать их наконец поэтической огласке. Карандашные пометки в этом случае усердно стирались ластиком, а на их месте возникали вечные, нескораемые чернильные рифмы. И сейчас он обратился к тетради как к последнему средству, уповая на свою привычку и страстно желая восстановить пропавшие воспоминания. Может быть, вчера он успел накарябать хотя бы пару слов – даже самой ничтожной заметки на полях может оказаться достаточно.

Но где же она, где вожденная тетрадь!? Где же книжка со всеми его трудами? На тумбочке у изголовья кровати, там, где ей надлежало быть на случай непредвиденного визита музыки, ее нет! Может быть, в столе? Нет, ни в одном из ящичков! Куда же она запропастилась?

Нужно распахнуть пошире шторы, решил дракончик – разве разглядишь что-то в этой полутьме. Вдруг книжка свалилась на пол? Вдруг он нечаянно загнал ее под кровать? Но нет, под кроватью ничего – только тень! «И у стола», отчаянно подумал Зигфрид, «такая густая и непроницаемая тень». Тень... Тень!

Щелочки-глаза, страшные молнии, вихрь! И тетрадка, тетрадка! Она забрала ее!

Он вспомнил. Зигфрид знал, что если очень потрудиться, обязательно можно было вспомнить все что угодно, но вот только хотел ли он вспоминать этот кошмар? Неужели этот жребий выпал ему одному? Почему Помидорка и другие дракончики ничего не припомнили о визите Тени и о Затмении? Почему никто не судачил об этом на улицах и на рынке? Неужели все договорились не упоминать столь позорное, мерзопакостное происшествие? Но ведь и сам Зигфрид его почти что позабыл! Что же она натворила, эта зловещая тень? Ответ как будто бы лежал на поверхности, но наш герой никак не мог до него додуматься.

Где Тень сейчас? Как ей удалось похитить Хорошее Настроение, да так, что никто этого не заметил? Почему, за что, как с этим справиться? Так много вопросов, и лишь одна ясность во всем этом, лишь одна несомненная величина – Ее грозное возмездие.

Мысли роились в беспокойной голове Зигфрида. Ему стало немножко дурно, и он облокотился на стол, чтобы не потерять равновесие. Мир замер.

Тусклый свет струился сквозь окно стройными потоками и рисовал на полу грустное полотно. Почти такое же, как то, что с утра солнышко нарисовало на одеяле – четыре искривленных прямоугольника. Пылинки грустно танцевали в ниспадающих лучах. Почему они казались такими грустными? Неужели пылинки умеют грустить? Может быть, дело – в лучах?.. Какая же, право, абсурдная мысль! Но иного объяснения быть не может, разве нет? А может быть, а может быть?..

И тут Зигфрид все понял.

Забыв об усталости, дракончик выбежал на улицу и, словно по мановению невидимой руки, посмотрел вверх. Ветер уносил прочь серые бесцветные облака – еще пара мгновений, и светлый лик солнца останется неприкрыт, и тогда, быть может, его лучики привычно защекочут глаза, и дракончик зажмурится, а веселые разноцветные блики еще долго будут плясать перед его внутренним взором... Но Зигфрид продолжал бесстрашно смотреть вверх.

Облака убежали и обнажили солнечный диск. Холодной, неприветливый, сонный.

Зигфрид продолжал смотреть вверх. Минуту, две. В глазах не кололо. Ему даже не захотелось прищуриться.

Фрагменты мозаики один за другими складывались в стройную картину.

Зигфрид устал смотреть. Он медленно склонил голову, постоял, и вдруг враслопырку плюхнулся на землю – задние лапы расставлены, хвост плашмя.

Недавние события одно за другим пронесли в его сознании.

Вот дракончики собрались на площади. Тень ждет подношений. Что это? Злая шутка, испытание, эксперимент? Дракончики делают свой выбор. На следующий день перед ней лишь один Зигфрид. Тень неодобрительно шурится. Грядет беда! Тень расправляет крылья, и мир погружается во мрак – наступает затмение.

Вот самое страшное позади, он покоится в чьих-то объятиях, на небе сияют звезды и полумесяц освещает путь домой. Что произошло стряслось, пока абсолютная темнота царила над драконьей землей? Чем все это время была занята Тень, которую после затмения не видела ни одна живая душа?

Зигфриду показалось, что он знал ответ – Тень похитила Солнышко.

Под покровом своих черных крыльев, втайне от объятых паникой дракончиков, злое Тень выкрала доброе Солнышко и заменила его на тусклый, бездушный, бледный диск! Жалкая копия, подделка – вот что светило дракончикам, вот что грело их в этот безрадостный час! Немудрено, что Хорошее настроение уступило место Унынию, Подозрительность вытеснила Открытость, а здоровая Сварливость утратила Доброжелательность и стала Превредной! Вот почему пылинки, танцевавшие в ореоле фальшивых лучей, казались такими потерянными и грустными, а знакомые пятна света на покрывале и на полу были лишь жалкой пародией на привычные сверкающие пятнышки!

Но почему, почему из всех дракончиков лишь Зигфрид и Помидорка заметили перемену? Почему лишь они вдвоем били тревогу, покуда все прочие горожане предавались будничным заботам, как будто ничего не стряслось?

Нужно рассказать им, нужно растормошить недотеп, решил Зигфрид, нужно сейчас же спасти похищенное Солнышко!

Ах, хитрая, коварная Тень! Какой же хитромудрый способ ты выбрала, чтобы наказать всех дракончиков разом! Так никто не заметил пропажи – ведь все вещички остались целы! Так ты, одним лишь изящными движением своих тонких рук учинила беду для всего драконьего мира! Эффективно, оптимально и ... подло!

Нужно действовать! Вперед, вперед! Не время для меланхолии! Время для больших дел!

Подчиняясь новому импульсу, наш герой вскочил на ноги и бросился бежать обратно в сторону города. Сделав несколько шагов, дракончик вспомнил, что позабыл затворить дверь в хижину, однако после секундных колебаний он махнул в сторону дома лапкой – не до этого сейчас.

Добежав до высокого холма, что стоял на полпути до городской окраины, Зифгрид остановился и призадумался. В его умную голову пришла идея.

Может быть, если ему удастся самостоятельно отыскать Тень в кратчайшие сроки, не будет нужды понапрасну беспокоить и без того занятых дракончиков?

Зифгрид вздохнул. Он был замкнутым дракончиком и был бы рад избежать неприятной беседы с госпожой Тенью, однако чистая совесть была Зигфриду дороже собственного комфорта (большая редкость даже среди отзывчивых дракончиков), а иного выхода из сложившегося затруднения он не видел. Не попробуй он столь очевидный способ решения проблемы сейчас, стыд об упущенной возможности останется с ним на всю жизнь. Зигфрид собрался с духом. Стоит рискнуть.

Он забрался на вершину холма, что было отнюдь не легким делом в его возбужденном состоянии, и оглядел окрестности. Как и следовало ожидать, Тени и след простыл. Однако Зигфрид совсем не удивился бы, возникни она вдруг откуда ни возьмись – таковы были все волшебные тени. Нужно позвать ее, как бы страшно это не было.

– Тень! – осторожно молвил Зигфрид. И еще раз, звонко и раскатисто, – Тень!

Ему было непривычно говорить столь громко, и собственный голос казался дракончику чужим и странным. Он немного откашлялся, скорее для храбрости, нежели по надобности, и позвал еще раз:

– Тень!

Тишина была ответом.

Она не слышит меня, решил Зигфрид, нужно звать громче, нужно крикнуть...

– ТЕНЬ! – завопил дракончик что есть мочи, стараясь не думать о том, как это будет выглядеть со стороны. Цель в данный момент оправдывала средства.

И вновь тишина.

Отчаявшись, Зигфрид засеменял вниз по склону и возобновил свой путь в город. Скорее! Кто знает, как еще Бледное Светило может повлиять на и без того мрачное настроение дракончиков.

К его облегчению, дела в городе по крайней мере не ухудшились. Они были ровно в том состоянии, в котором Зигфрид оставил их по дороге домой – дракончики куксились, дракончики хмурились, поругаться еще никто не успел, но все друг на друга обиделись.

Переступив городскую черту, наш дракончик остался один на один с вопросом – что же делать дальше? Как достучаться до соплеменников? Немного поразмышляв, Зигфрид не смог придумать ничего лучше, чем начать обращаться ко всем прохожим без разбору и тактично звать к их мироощущению. Надо сказать, что сильное волнение немного мешало Зигфриду изъясняться ясно и взвешено, однако мало кто на его месте смог бы проявить себя более достойно.

Первая попытка завязать диалог закончилась провалом – жертва нашего героя-самоучки дала деру, заслышав вступительное Зигфридово «Извините, пожалуйста, не будете ли вы так любезны ответить мне на один вопросик...»

Дальше было только хуже.

– Вы не помните затмение вчера? – прямо спросил он у следующего попавшегося на глаза прохожего, на что тот так же без обиняков отвечал ему:

– Я пока не сбрендил, уважаемый!

– А Тень? Тень вы тоже не помните?

– Тень? – удивился его собеседник. – Как же, помню: так вот она, – указал он пальцем на свою собственную тень и проследовал прочь, довольный своею шуткой.

После нескольких подобных диалогов Зигфрид хлопнул себя по лбу и в отчаянии взвыл:

– Ставни! Вы все вчера закрыли свои ставни! Горе мне, горе, я в жизни не найду свидетелей кражи!

Зигфрид возобновил расследование, но теперь его расспросы были куда более осторожными. Он все равно казался своим собеседникам исключительно подозрительной и не в меру любопытной персоной, однако же они не находили причин отказать ему в ответе, так как вопросы он задавал весьма учтивые и, на первый взгляд, невинные, пусть и несколько странные. «Как вы провели вчерашней вечер? Не приключилось ли с вами ничего необычного поутру? Как вы себя чувствуете, господин Ведёрко? С кем вы на этой неделе общались? Нет ли у вас знакомой госпожи, похожей на тень?» Дракончики пожимали плечами, но в большинстве своем признавались, что ничего не помнят и на самочувствие нынче не жалуются, а других теней, кроме своих собственных, не ведают. Вот как!

Единственным, что удалось выяснить нашему дракончику, был следующий примечательный факт: этим утром многие дракончики проснулись не в своих постельках, а, к своему вящему удивлению, на полу. Те же, кто с первыми лучами солнца обнаружили себя лежащими в своей привычной кровати, были вынуждены первым делом извлечь собственные морды из-под подушек. Причем все дракончики, с кем приключилось это недоразумение, не припомнили за собой привычки укрываться подушкой на ночь и нашли происшествие загадочным.

Многое стало ясно.

Однако же все подробности продолжительного визита Тени в Плаксингтон, да и сам факт ее визита и событий им порожденных, самым тщательным образом стерся из памяти всего населения славного города – всех, всех дракончиков. Ну, кроме одного – нашего Зигфрида...

Зигфрид был тихим дракончиком и нечасто обсуждал свои чувства с окружающими. Злые языки назвали бы его замкнутым и скрытным, однако нам с вами, дорогие читатели, уже известно, что многие поэты бывают не очень общительны, и не стоит на них за это сердиться.

Осознав, что в этой пренеприятнейшей ситуации ему не на кого было рассчитывать, Зигфрид твердо вознамерился действовать самостоятельно. Махнуть лапой на текущее положение дел было решительно невозможно!

А что делают все благоразумные дракончики, когда они обнаруживают себя в тупике, без надежды на добрый совет и счастливое избавление? Конечно же, они обращаются к высшим силам. Поэтому Зигфрид, собравшись с духом, принял единственное возможное решение – он широким шагом направился к резиденции градоначальника.

Через несколько кварталов он наткнулся на Карло – дракончика, который давеча занял у него денег.

– Карло! – удивился Зигфрид.

– Привет! – буркнул тот себе под нос и, стараясь не смотреть на Зигфрида, поспешил проследовать мимо.

– погоди! – окликнул его Зигфрид, – Куда же ты?

Карло понял, что бегство невозможно, и обреченно обернулся. Он одарил Зигфрида хмурым взглядом, будто говорившим: «Чего тебе?».

Зигфрид был немного опечален таким приемом, однако после сегодняшних чудес и необычностей его было трудно удивить обычным недружелюбием. Каждая новость была сейчас на вес золота, а покручиниться и призадуматься можно было и потом. Поэтому он сделал вид, что не заметил грубости со стороны Карло, и невозмутимо спросил:

– Как дела, сосед?

Карло, даже не потрудившись сообразить чего-нибудь в ответ, продолжал взглядом намекать Зигфриду на то, что в данную минуту он беседовать не расположен.

– Нет ли у тебя известий? – не сдавался Зигфрид, который между делом заметил, что Карло бережно прижимал к груди блестящий и, судя по всему, достаточно объемный предмет. Зигфрид не выдержал. – Что это у тебя?

– Чайник! – прошипел Карло, и Зигфрид чуть не подскочил на месте от того, с какой злобой было произнесено это безобидное, домашнее слово. Даже не пытаясь соблюсти самые заурядные приличия, Карло развернулся, мстительно взмахнул хвостом и скрылся в толпе.

Вот те на! Так вот зачем он занимал у Зигфрида денег! Дракончик припомнил, что Карло давно мечтал о необычном серебряном чайнике, который так и манил его своим сверкающим брюшком с витрины знаменитого магазина «Домашняя роскошь и прочие завитушки». Но Карло всегда не хватало на покупку нескольких монет – только очень зажиточные дракончики могли позволить себе такой подарок. Работяга же Карло каждый месяц посылал половину жалования своей больной матушке в деревню, а потому вскоре он записал свою мечту в категорию несбыточных и лишь изредка позволял себе полюбоваться на чайник издалека, когда дела вынуждали его проходить через богатый квартал. Тем удивительнее, что вожденная посуда при помощи нескольких звонких монеток, занятых у Зигфрида, теперь оказалась у Карло в цепкой драконьей хватке, а матушка в далекой деревне, видимо, не досчиталась очередной посылки от любимого сына.

Зигфрид, который подрабатывал писцом и копировальщиком, знал, каково это – считать каждый грош. Однако ему никогда не жалко было для товарища даже последней монетки... Если бы он только знал, на какую бесславную цель будут израсходованы эти деньги!

Это было столь непохоже на Карло – серьезного и ответственного дракончика. Почему он решился на такой отчаянный шаг? Опасался подорожания? Решил сделать себе подарок? Может быть, он надумал отослать этот чайник матушке?

Зигфрид покачал головой. Подумать только, а сколько же еще похожих историй произошло в Плаксингтоне с той поры, как Тень подменила Солнце? Сколько неприятных метаморфоз случилось по всему городу, сколько дракончиков дало волю своим слабостям?

Обуреваемый самыми тревожными мыслями, Зигфрид и не заметил, как ноги сами привели его к дому градоначальника Патриция – двухэтажной громаде, которую было видно уже за несколько кварталов.

Богатый фасад резиденции был отделан белым мрамором с черными прожилками, в подражание драконьим королям. Наружные колонны поддерживали треугольную крышу, которая, как выражались дракончики-архитекторы, имела значительный свес по фронтому. Эта особенность, вкупе с тем, что второй этаж также нависал над первым на массивном узорчатом карнизе, придавала зданию зловещий, внушительный вид, а по утрам, когда солнечные лучи падали на землю напрямиком из-за резиденции, погружала добрую часть улицы в густую тень.

«Тень, тень, везде тени», подумал Зигфрид, когда ровно в полдень он, с некоторым трудом отворив в полумраке дубовую парадную дверь, просочился в приемную градоначальника и робко подошел к дежурившему секретарю. Из высоких окон на дальней стене струился слабый свет; весь первый этаж был погружен в блаженную полудрему; по левую руку от входа широкая лестница с коренастыми перилами вела наверх, а где-то в сени кремовых стен пряталась богатая мебель – роскошные диваны и мягкие кресла, на которых никто не сидел.

– Чем могу помочь? – рявкнул секретарь.

– Могу ли я попасть на прием к господину Патрицию? – поинтересовался Зигфрид.

– День сегодня неприемный!

– Ой, а когда он будет приемным?

– На следующей неделе приходите – как повезет. Приходите в понедельник!

– А могу ли я хотя бы на пять минут повидаться с ним сегодня? Больно уж важное у меня дело!

– Говорю же вам, непонятливый вы наш, день нынче неприемный! – резко отвечал секретарь.

Тогда Зигфриду пришла в голову одна здравая мысль. Всем было известно, что господин градоначальник души не чаял в своих драгоценных винодельнях. Обильный урожай с виноградных плантаций, что раскинулись на гектары в предместьях Плаксингтона, составлял предмет особой его гордости – Патриций имел значительный доход от первоклассных вин, да и сам виноград продавался ничуть не хуже. Зигфрид не любил врать, однако же, принимая во внимание все затруднения, он счел нужным заострить внимание именно на тех аспектах правды, которые были бы наиболее интересны конкретным личностям. Он до конца не был уверен, правильно ли поступает, но другого выхода из всей этой ужасной истории попросту не было – нужно было во что бы то ни стало пробиться на прием к градоначальнику. А секретарь, судя по его ни о чем не подозревающему виду, едва ли помнил о вчерашней трагедии больше остальных. Поэтому Зигфрид сказал следующее:

– Не могли бы вы в таком случае передать господину Патрицию, что над его несравненными виноградными плантациями нависла жуткая угроза?

— Какого рода? – недоверчиво повел бровью секретарь.

– Могу доложить только господину Патрицию лично, – заверил его непроницаемый Зигфрид.

Секретарь тут же смутился. Несмотря на строгое распоряжение Патриция никого в этот день к нему не допускать, он все же усомнился, а не влетит ли ему, Люцию, если по его вине с плантациями что-либо приключится. В конце концов, этот странный дракончик может на него

донести и убедить Патриция, что именно он, верный секретарь Люций, имея в своем распоряжении все возможности отвести угрозу, шансом легкомысленно пренебрег. Поразмышляв в таком ключе несколько минут (дракончики крайне основательно подходили к мыслительному процессу), Люций все же решился помочь Зигфриду и, велел тому ожидать своего возвращения, отправился вверх по лестнице, в покои градоначальника. Вскоре он воротился к основанию лестницы и, небрежным жестом повелев Зигфриду следовать за собой, не оборачиваясь, сопроводил нашего героя наверх. Там он указал на дверь в конце длинного слабо освещенного коридора и так же бесшумно испарился.

Зигфрид, стараясь побороть волнение, подошел к двери и, предварительно постучав и не услышав изнутри возражений и протестов, аккуратно потянул за ручку. Комната, в которой очутился Зигфрид, была невообразимо просторной и пустой. Все ее убранство составлял высоченный книжный шкаф, на многочисленных полках которого покоились в общей сложности четыре пыльные книги, и солидный письменный стол, за которым почтенно восседал градоначальник Патриций – полный и степенный дракончик средних лет, умудренный опытом и окончательно осознавший на экваторе своей размеренной жизни тщетность всякой суеты, однако не утративший при этом некоторого рвения в части дел, непосредственно касающихся его важной персоны. Градоначальник хитро шурился и смотрел в бесконечность.

– Здравствуйте, – полушепотом сказал Зигфрид. – Я Зигфрид. Я живу в хижине на окраине. Рядом с дракончиком Карло. Я...

Он запнулся, не зная, что бы еще сказать.

– Что же ты стесняешься? – градоначальник внезапно очнулся от послеобеденной дремы (он обедал первый раз в половину двенадцатого, а второй раз – в три), – подойди поближе!

Зигфрид послушно прошествовал через весь кабинет и остановился у стола. В комнате было немного прохладно, как будто в ней недавно проветривали, а еще в ней было немного сумрачно – шторы были наполовину задвинуты, дабы не нарушать покой ее обитателя.

– Так-с, юноша, – сказал градоначальник, – остервенело протирая глаза массивными кулачками, – с чем пожаловали? Что за опасность нависла над моими плантациями?

– С просьбой, – отвечал Зигфрид. – насколько вы помните, господин градоначальник, некоторое время назад у нас в городе завелась Тень!

– Да ну! – искренне выпучил глаза Патриций. – Тень, говоришь? Без моего ведома! Выдворить нахалку! Охрана! – застучал он ногами (больше для вида, так как у стражников в это самое время был тихий час, и Патриций об этом прекрасно знал).

– Погодите, погодите! – принялся успокаивать его Зигфрид, которому было невдомек, что у охраны тоже бывает отдых. – Она уже ушла, опасности больше нет!

– Фуф! – одобрительно выдохнул градоначальник. – Она бы была сейчас совсем некстати в самый разгар рыночного сезона!

– А разве у нас не всегда разгар рыночного сезона? – уточнил наш герой.

– Именно! – одобрительно закивал Патриций. А про себя подумал: «Смотрите-ка, а этот юный дракон не без способностей! Под что бы его приспособить, чем бы его можно было озадачить?». А вслух он продолжал:

– Как известно, мой молодой друг, Тени и прочая нечисть – враги коммерции, ибо коммерция не терпит неожиданностей и прочей неприятной чепухи.

– Увы, не все так просто, господин градоначальник! Тень бесследно пропала, а вместе с нею пропало и наше Солнце – наша звездочка! А вместо него на небе засияла подделка!

– Как же так? – изумился Патриций. – Неужели правда? Вероломное существо! Но погоди, друг. Погоди, погоди, погоди, погоди! Стой! – остановил он Зигфрида, вспоминая о том, почему он допустил этого странного дракончика в свои апартаменты. – Так как же это все связано с моим виноградом?

Зигфрид молча сжал кулачки. Пришло время сыграть козырную карту!

– Очень просто, господин градоначальник. Новое солнышко очень тусклое – оно уже испортило настроение всему городу. Можно ожидать, что все растения пожухнут под лучами такой недобросовестной звезды. Не избежит подобной участи и ваш виноград.

– Хм! – призадумался Патриций. – Однако, смелая теория. Подумать только...

Зигфрид замер в тревожном ожидании. Он еще не успел изложить суть своей просьбы (которую можно было бы сформулировать одним абстрактным «спасите-помогите»), однако у него определенно было хорошее предчувствие – похоже, градоначальник отнесся к этой чудесной истории со всей серьезностью. Как будто для того чтобы воодушевить Зигфрида еще пуще, Патриций поднял свое грузное тело со стула и начал неспешно прохаживаться по кабинету взад-вперед, почесывая время от времени затылок, как то делают все серьезные дракончики.

– Ну ничего себе! – заключил он наконец, вернувшись к своему столу, – надо же было такому приключиться! Странно, что вы первым обращаетесь ко мне, когда день уже в самом разгаре. Скажите, вы лично стали свидетелем преступления?

– Да! То есть, нет... В смысле, не совсем... Видите ли, было затмение, а когда свет вернулся, солнце было уже не на месте.

– Хм! А есть ли еще свидетели?

– Сомневаюсь, – пробормотал Зигфрид, обескураженный новым направлением беседы. Неужели, неужели и здесь он не найдет помощь?

— Хм! Извольте погромче, юный друг, я вас не расслышал!

– Нет! Я думаю, свидетелей не было! – пискнул Зигфрид.

– Как же так вышло, что никто не заметил пропажи солнца? – недоверчиво спросил градоначальник.

– Скажите, – обреченно воскликнул Зигфрид, чуть не плача от кошмарной догадки, – а вы совсем не запомнили Тень?

– Ни капельки, – заявил Патриций. Он был готов заподозрить неладное – какой-то неудачный розыгрыш, жестокую шутку. Однако жалкий вид Зигфрида предостерег его от поспешных выводов – стоило дослушать эту историю до конца.

– Никто, никто не заметил! – убивался Зигфрид, забыв о том, что он на приеме у вельможи. – Все вдруг позабыли о ней, как будто ничего и не было! Но вы посмотрите, как сильно все переменялись, какими все стали враждебными! Вы прогуляйтесь по рынку, пройдитесь по улицам, посмотрите на небо – это не то небо, он чужое, потому что на нем чужая звезда...

Зигфрид опустошенно замолчал, понимая, что Патриций ни за что не поверит в его историю. Ни за что на свете!

– То есть, ежели я верно вас понимаю, – молвил Патриций, – вы утверждаете, что давеча было украдено наше солнце. Затем, в суматохе затмения, оно было заменено на поддельное светило, а злоумышленница Тень, как вы заявляете, скрылась при этом с настоещею звездой в неизвестном направлении? Так?

– Так! – вздохнул дракончик.

– И как вам кажется, осуществима ли такая схема? Как вышло так, что вы были единственным свидетелем происшествия? где были все остальные? Где был я, в конце концов?

– Все заперлись, – всхлипнул Зигфрид, – все сидели по домам. Она просила нас отдать по любимой вещице, а дракончики отказались. Я единственный пошел на площадь, но там было пусто...

Он понимал, что бессвязные обрывки истории не добавляли ей правдоподобности, но разве это имело хоть какое-то значение, когда градоначальник ни за что, ни за что на свете не поверил бы ни в одну волшебную историю?

– Она была здесь много дней... – шепотом добавил он. – Неужели, неужели вы не помните...

Градоначальник, ничего не помнивший и ни во что не веривший, тем не менее испытал укол сострадания к плачевному состоянию просителя и, сам не зная почему, продолжил беседу.

– Неужели контраст между старым и новым светилом столь разителен?

– Оно другое! – воскликнул Зигфрид, хватаясь за соломинку призрачной надежды. – О, если бы вы только посмотрели на него, хоть разок!

Озадаченный Патриций, всем своим видом показывая, что не ожидает от этого эксперимента ничего хорошего, пожал плечами.

– Люций! – меланхолично крикнул он, хватая колокольчик, одиноко покоившийся до поры до времени на крышке стола, и несколько раз звякнув. – А ну-ка! Люций, ко мне!

Раздался тактичный топот, и в комнату влетел запыхавшийся секретарь, всем своим видом старавшийся изобразить непринужденность и шарм.

– Милейший, проверь, есть ли за окном солнце, – приказал Патриций, и, заметив недоуменный взгляд своего подчиненного, лениво добавил для пушей убедительности:

– Чего уставился, изволь действовать!

Люций, едва заметно усомнившись, направился к окну, недоверчиво оглянулся на градоначальника, предусмотрительно сощурился и скрылся за шторами. Шторы зашевелились, замерли, воскликнули: «Так вот же оно!», затем снова ожили и явили миру озадаченного Люция.

– Солнце на месте, – доложил секретарь, почесывая голову.

– Оно на месте, но оно поддельное, – настаивал Зигфрид, – посмотрите внимательнее!

На морде градоначальника пробежала морщинка сомнения, и Зигфрид воодушевился. Патриций, будучи весьма проникательным дракончиком, понял, что идти по пути категоричного отрицания не было смысла.

Градоначальник махнул рукой. Люций вновь пропал за шторами, лишь для того, чтобы через некоторое время повторно провозгласить, что солнце пребывало на своем законном месте и выглядело вполне привычно.

– Я тоже не сразу понял, что солнце испортилось, – не сдавался Зигфрид, – но сейчас я твердо-претвердо в этом уверен!

– Как, ты настаиваешь! – возмутился Патриций. – Тогда изволь, я проверю сам!

И градоначальник, собрав в кулак всю начальничью волю, во второй раз за встречу степенно покинул насиженное кресло, размял затекший хвост, почесал правое бедро и направился к окну. Щурясь и кряхтя, он достиг занавесок, передохнул, притопнул и знающей лапой решительно высвободил окно из объятий тяжелой ткани – он распахнул шторы. Ох, опять этот свет! Патриций брезгливо зажмурился.

Некогда он покинул этот суетный мир, удалился в добровольное заточение блаженного полумрака, мудрой сонливости. Как же он ненавидел те редкие выходы в народ, на которые его понуждал высокий пост! Как же он не переносил жару, как ненавидел хлопоты! Да, сложно было отказать себе в удовольствии прочитать раз-другой на публике страстный монолог, взять ситуацию в свои руки, поучить всех уму-разуму, но...

Патриций открыл глаза и храбро встретил докучливые лучи. Он не боится! Славная карьера, годы непрерывного труда – все прошло под знаком этого беспощадного светила, все вершилось на виду у его зоркого ока! Но теперь, теперь Патрицию нужен был отдых. И он его заслужил! Заслужил своею верною службой, заслужил своей порядочностью, мудростью! Разве нет? Разве не сделал он недавно что-то особенно примечательное, что-то бесподобно волшебное, что-то безусловно отважное... Вот только что это было? Память ворочалась с трудом.

Патриций задернул шторы.

Он вздохнул и побрел обратно к столу, волоча за собою почтенный хвост. Водрузив себя на кресло, градоначальник отрицательно покачал головой.

И чего только не придумает в эти сумасшедшие дни молодежь! Буйная, необузданная энергия, которую следовало бы потребить на благие дела, на размышления и созерцания! На прения! Подумать только, сколько таланта пропадает зря!

Он посмотрел в серьезные, умоляющие глаза Зигфрида – почти сочувственно, почти потечески. Бедный юноша! Неужели он и правда верил в то, что солнце подменили! О, воспаленная фантазия! О, глупый кошмар!

«Все ясно!» решил для себя Зигфрид. «Он не поможет!»

«Все ясно!» понял градоначальник. «Он сбрендил!»

Нужно как-то помочь ему, решил Патриций. Нужно направить заблудшего дракончика на путь истинный; мягко, не обидев, намекнуть ему, что проблема его носит скорее медицинский, психологический характер, и что хорошо было бы немедленно ею заняться. Да, так он и сделает. Что бы такого сказать, чего бы посоветовать? И Патриций, нахмутив мудрый лоб, говорил так:

– Солнце на месте, юный горожанин – я лично в этом удостоверился. Его сияние все так же докучливо и, э-э-э, привычно. Мне кажется, друг, ты преувеличиваешь. Возможно, ты получил солнечный удар? Может быть, что-то тревожит тебя? – мудро предполагал градоначальник, не желая вдаваться в подробности и выяснять, а что же именно тревожит Зигфрида. – Наверняка, на почве треволений ты вообразил себе всякую несусветицу, что бывает часто с теми, кто не высыпается и много думает о разной чепухе... Отдохни, посиди дома, испроси совета в госпитале – я более чем уверен, что, как подсказывает мне многолетний опыт, неразрешимых проблем не бывает. Иди с миром, не отчаивайся!

И градоначальник сделал лапою властный жест, означающий, что аудиенция окончена.

– И все же, ваше превосходительство, я твердо верю в то, что видел! – заплакал Зигфрид, понимая, что его карта бита. – Солнышко неправильное, его подменили!

– Но, друг мой, – возразил Патриций, пытаясь хоть как-то успокоить Зигфрида, – даже если допустить, что сегодняшнее солнце – это вдруг не вчерашнее солнце... Допустим! Даже если так – подумай, друг, что раз уж никто не заметил подмены – значит не так уж оно и плохо, верно? Возможно, оно даже лучше, потому что сегодня, на мой взгляд, оно не так сильно бьет в глаза. К чему кручиниться?

С каждым его словом сердце Зигфрида все больше и больше наливалось печалью. Он сам не заметил, как ноги его подкосились, и он медленно, обреченно опустился на пол, безвольно положив рядом собою хвост. А градоначальник все говорил, и говорил, и словам его, казалось, не было конца. Зигфрид почувствовал, как соленые капельки предательски зашекотали уголки его глаз, а потом одна за другой покатались по безразличным щекам и забарабанили по паркету. Все пропало! Он не верит – он не помнит! И как же ему сразу не пришло в голову, что градоначальник – всего лишь навсего такой же обычный дракончик, как и он сам! Как же он не догадался, что хандра, охватившая весь город, не пощадит никого – даже самый высокий из чинов. Горе, горе бедному Плаксингтону! Горе всей стране Драконии!

– В конце концов, – добавил Патриций, уловив в глазах Зигфрида, как ему показалось, искорку сомнения в своем авторитете, но упорно не замечая его слезы, – в конце-то концов, если бы проблема и вправду стояла таких хлопот, я мог бы использовать свое политическое влияние и лично обратиться к моему старинному товарищу Энцо, который некогда состоял дворецким на службе у короля Бонифация XIV, батюшки ныне здравствующего монарха Пафнутия XIV...

И тут Зигфрида осенило. Он вскочил на ноги и, не дослушав тираду Патриция, пробормotal несколько вежливых извинений и бросился к выходу, вытирая на ходу слезы.

Градоначальник, не зная, удивляться ли такому странному поведению юноши или же гневаться за столь вопиющее нарушение этикета, вопросительно смотрел на удаляющегося Зигфрида, стараясь уместить оба чувства в одном пронзительном взгляде.

Как только он вновь обрел дар речи, Зигфрид уже был в дверях – он бросил на градоначальника последний грустный взгляд, робко поклонился и был таков. Секретарь Люций, ринувшись было вдогонку, высунулся из двери и прокричал что-то вслед, но Зигфрид уже не слышал его – он бежал что было сил, и ветер свистел в его ушах.

В путь!

Запахавшийся Зигфрид влетел в свою хижину и, даже не остановившись, чтобы отдышаться и заварить чаю (и даже не вытерев лапы, что произошло с ним впервые), тотчас же ринулся к дубовому письменному (а заодно и обеденному) столу и отворил дверцу его единственной тумбочки. Внутри тумбочки притаилось несколько выдвижных ящичков, один из которых, верхний, был заперт на замочек. Зигфрид потянул на себя самый нижний ящик и, пошуршав бумажками, извлек маленький золотистый ключик. Повернув ключик внутри замочка три раза, он открыл верхний ящик и вытащил из него толстую папку. Этот фолиант Зигфрид пыхтя водрузил на стол и нежно смахнул с него тонкий слой пыли.

Внутри были сложены стихи, рисунки и рассказы, которые Зигфрид сочинил, нарисовал и написал еще в детстве, а потому стеснялся показывать другим дракончикам и не решался пересматривать сам, а также несколько писем от друзей и две открытки от бабушки. Одна открытка изображала дракончика, нежащегося на солнечном песке. Подпись гласила – «Я на пляже отдыхаю, вам того же я желаю.» На второй красовались красные цветочки и торжественное посвящение «На именины», а от руки было дописано «для внука З. от б.А.», что означало «для внука Зигфрида от бабушки Агнеты». Зигфрид, увы, с бабушкой знаком не был, но открыткой дорожил.

Но главным сокровищем фолианта были не старые стихи, и даже не памятные сувениры, а карта... Карта страны Драконии!

Зигфрид бережно развернул ветхий лист на поверхности стола.

Карта была небольшой и старой, и даже немного пожелтевшей, и подписи на ней были мелкими, но Зигфрид любил эту карту, потому что другой у него не было.

Он провел когтистым пальцем по рекам и холмам, мысленно отметив для себя, где находился его дом – на самой окраине города Плаксингтона, на краю лесистых предгорий. Затем дракончик отыскал на карте столицу Драконии, дивный град Хныкельбург, и, приложив линейку, замерил его удаленность от своей хижины и сверился с масштабом. Вышло ни много ни мало десять дней пути пешим ходом с остановками на завтрак, ланч, обед, полдник и ужин, а также на сон и отдых. Зигфрид легонько вздохнул и почесал голову.

Идти было далеко, но дракончик не привык отменять решения, принятые всем сердцем.

Да-да, Зигфрид собрался в столицу, чтобы в сиянии богатых палат просить помощи у драконьего короля!

Неосторожная фраза градоначальника навела его на эту мысль, и с тех пор наш дракончик обрел новую надежду – ведь кто как не справедливый и мудрый король услышит правду в его отчаянной мольбе, кто как не самый могущественный владыка подсобит страждущим и ничего об этом не подозревающим плаксингтонцам в отыскании пропавшей звездочки! Кто как не он – лучезарный Пафнутий Четырнадцатый! Эта надежда так воодушевила и увлекла бедного Зигфрида, что он нашел продолжение аудиенции у градоначальника решительно невыносимым, и именно с этим чувством был связан его неожиданный побег. Не будем винить дракончика за спесь, ибо его можно понять, и ему очень легко посочувствовать!

Зигфрид был романтичным дракончиком и очень любил мечтать, однако в нужные минуты он умел сосредоточиться и рассудить логически. Так он и поступил в тот же самый день судьбоносной беседы с градоначальником – день, который в своем дневнике он позже окрестил Днем Надежды.

Вот что делал Зигфрид в свой последний вечер дома, накануне большого Путешествия навстречу Надежде и Звездочке.

Первым делом он собрал котомку, сложив в нее все самое необходимое: тот самый дневник, карандаш, перочинный ножик и сухари. Также Зигфрид взял с собой фляжку со студеной

водой из колодца (правда, к утру она уже нагрелась и стала не такой студеной, но все равно была приятна на вкус), курточку (на случай похолодания) и огниво. А на самое дно котомки Зигфрид запрятал кошель, в котором лежала целая горсть золотых монет – его сбережения за долгие годы.

Собрав вещи, Зигфрид бросил еще один взгляд на карту и заметил, что в лесу на расстоянии одного дня пути притаилась деревня. Отлично! Здесь можно будет napроситься на ночлег!

Взволнованный до такой меры, что даже его сердце трепетало в сладостно-горьком предвкушении большого пути, Зигфрид еще долго ворочался в постели и не мог заснуть. Но под утро его веки все-таки сомкнулись, и дракончик погрузился в тревожный, возбужденный сон. А пока Зигфрид отдыхает, у нас есть немного времени для того, чтобы повнимательнее разглядеть карту, которую он так и оставил развернутой на столе.

***

Мохнатый тракт резвой ленточкой бежал через всю страну, соединяя друг с другом три крупных города.

На одном конце, на западе, среди изумрудных холмов и стремительных лазурных ручейков красовался Плаксингтон – родной город Зигфрида. На восточном конце Большой дороги, в краю песчаных дюн и неприступных вершин, располагался стольный град Слэзкинсберри, жители коего носили на головах тюрбаны и щурились, глядя на палящее солнце.

В самом же центре драконьей страны, близ истока великой реки Лакримозки, в окружении тысячи мерцающих горных пиков и мудрых вековых древ, притаилась пышная столица – Хныкельбург.

На юге и юго-востоке от Хныкельбурга возвышалась великая горная гряда; на Севере простирался бескрайний Зачарованный лес.

Мохнатый тракт, покинув Плаксингтон и стремительно пробежав на восток по долам да по равнинам, вскоре утопал в Западных лесах, затем на некоторое время вновь выскакивал на свежий воздух, навстречу столичным ветрам, а потом, пронзая Хныкельбург через центральные ворота уходил в подземные пещерки и выныривал с восточной стороны Великой гряды на самой границе Ведьминых топей, что раскинулись на многие мили вперед.

Самый низкий из горных пиков великой Гряды (который, тем не менее, показался бы великаном, окажись он среди более заурядных гор) звался Царь-пиком. На его вершине драконий король Сигизмунд V воздвиг неприступную твердыню – Белую Крепость. Стены ее были выполнены из белоснежного мрамора с черными прожилками, башенки ее были круглыми и аккуратными, а на самой высокой, заостренной башне развевался королевский штандарт. Впечатлившись чистотою горного воздуха, сей монарх окончательно переехал в крепость и учинил в ней свою резиденцию. С тех пор у Белой крепости появилось еще одно имя – ее прозвали Снежным дворцом.

Знать, стремясь быть ближе к правящей верхушке (и в буквальном, и в переносном смысле), стала заселять склоны Царь-пика, подбираясь все ближе и ближе к Белой Крепости, пока наконец дома самых видных из горожан не застыли на почтительной дистанции от ее мраморных стен.

Многие дома были домами только на первый взгляд: нарядные фасады, роскошные крылечки да каминные трубы – вот и все, что родило их с привычными жилищами простых наземных дракончиков. В остальном же то были пещеры, вгрызавшиеся в самую глубь могучей горы. Вместо потолков – каменные своды, вместо стен – твердая порода, тут и там приукрашенная гобеленом или портретом. Надо сказать, что дракончики умели соблюсти гармонию между

величественностью и уютом, а потому даже в самой богатой пещере находилось место для домашнего камина и душевного комода. Такими уж они были, эти маркизы, бароны и графы.

У самого подножия горы и дальше расположились домики дворян попроще; обитатели купцов и ремесленников ютились у городских стен, а крестьяне поселились уже за пределами города, воздвигнув свои жилища по обе стороны от Мохнатого Тракта.

Великая Дорога разделяла город на две половины и уходила в горы...

Стены столичные были выполнены из желтовато-белого камня и оканчивались зловецкими черными бойницами в виде симметричных изломанных зубьев, назначение которых никто из дракончиков припомнить не может.

Стены выходили из гор, Заключая город в свои круглые объятия. Те дома, что не уместились в чертогах города, ненавязчиво расположились у подножия его стен, а к ним в свою очередь примостились еще более поздние постройки, рынки, базары, кузницы и разрозненные деревни. Отсюда произошел извечный спор – а что же собственно считать Хныкельбургом – только ли сам город, что приютился между королевскими горами и цилиндром неприступных стен, или же, вдобавок ко всему прочему, близлежащие дома важных персон. Как мы уже знаем, крестьяне даже не претендовали на безопасность городского комфорта и самоустранились из спора с самого начала, расположив свои жилища таким образом, что даже сомнения в их обособленности ни у кого не возникало. Другое дело – зажиточные граждане, купцы и ремесленники, которым просто-напросто не нашлось место в пределах исторического Хныкельбурга – слишком уж мала оказалась его площадь для всех желающих. Они настолько прижались к городским стенам, оккупировали близлежащие холмы и заняли каждый свободный дюйм, что издали их обитатели могли показаться неотъемлемой частью города, на чем они сами из соображений престижа ретиво настаивали. Не все вельможи соглашались с такой позицией и презрительно шурили глаз (непременно один – так, чтобы нельзя было понять, попало ли дракончику что-то за веко, или он действительно важничает), узнавая, что их собеседник на самом деле не коренной хныкельбуржец, а так – из пригорода.

За всем этим безразлично наблюдал монарх, которому буквальная возвышенность его положения придавала неоспоримое преимущество – ввиду дальности дороги и крутости подъема не многие просители добирались до королевской обители и тем самым не отвлекали короля от важных государственных дел.

Река Лакримозка брала свое начало в самом сердце великой гряды и бесконечной чередой шумных водопадов низвергалась вниз, в южную долину. Оттуда она держала путь в сторону Великого моря, принимая по пути благодарные притоки в виде более мелких речушек.

Великая дорога была во многом похожа на Великую Реку.

Дороги от всех прочих городов и городишек неизменно стекались к мохнатому тракту. На многочисленных перекрестках неизменно стояли указатели на стройных черных столбиках в желтую полоску. Одна стрелочка указателя была неизменно направлена вдоль Тракта, в сторону столицы, и содержала надпись, выполненную наклонными буквами в завитушках. Вторая же стрелочка скромно намекала на существование побочного пути и небольшого городка на его конце, а потому ее буквы были прямыми и застенчивыми, а сама стрелочка была поменьше и покороче.

По такому нелегкому пути предстояло пройти дракончику Зигфриду, который вознамерился попасть на аудиенцию к самому Пафнутию XIV.

Лес

Самое сложное в любом путешествии – это его начало. Надобно собраться с духом, снарядиться в путь, продумать маршрут, а потом еще раз собраться с духом и найти в себе храбрость, чтобы покинуть уют домашнего очага и очутиться один на один с незнакомой дорогой. И вот, когда первые шаги успешно пройдены, а первые мили остались позади, вам становится немножко легче – вы знаете, что рано или поздно вам повстречается такой рубеж, после которого добрести до конца будет уже куда проще, нежели сдаться и повернуть назад. Иногда, конечно, пока этот рубеж еще не покорился, порою очень хочется все бросить и перевести дух, однако же начатое дело бросить гораздо сложнее, чем неначатое, и вы продолжаете путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.